

Фридрих Евсеевич Незнанский
Считалка для утопленниц
Серия «Возвращение Турецкого»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6085409

Незнанский Ф. Е. Считалка для утопленниц: Роман : Олимп, Астрель; Москва; 2009

ISBN 978-5-271-28964-4, 978-5-7390-2408-4

Аннотация

В детективное агентство «Глория» поступило заявление о пропаже ветерана Отечественной войны Заботина. В ходе расследования выясняется, что бывшая жена ветерана убита. В это время Турецкому звонит его однокурсник и просит помочь найти серийного убийцу, утопившего уже полдюжины красавиц. Турецкий берется и за это дело, не подозревая, что на карту поставлена судьба его жены...

Содержание

1	4
2	11
3	18
4	26
5	32
6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Фридрих Незнанский

Считалка для утопленниц

В основе книги – подлинные материалы как из собственной практики автора, бывшего российского следователя и адвоката, так и из практики других российских юристов. Однако совпадения имен и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

1

Мобильный подал свой голос в то время, когда машина Турецкого въезжала в туннель под Лефортово. Он только что прибавил скорость, поэтому на дисплей взглянул мельком. Высветился незнакомый номер. «Подождут», – подумал Турецкий и понесся в общем потоке машин к выходу из туннеля. Наконец выехал «на волю», но пришлось ехать еще какое-то время, пока он не нашел место для парковки возле магазина «Кухни». Он нажал на кнопку «входящие звонки» и услышал знакомый голос.

– Саша, это Серегин. Ты в Москве?

Турецкий удивился, что Никита, который не появлялся на его горизонте последние лет десять, неожиданно вспомнил о бывшем однокурснике.

– Привет, Никита, я в Москве. А вот ты напрочь пропал. Даже на последнюю встречу с однокурсниками не пришел. Давно не слышал твоего голоса.

– Да, как-то не было случая связаться, – манера Никиты говорить вальяжно, слегка растягивая слова, не изменилась со времен веселой студенческой молодости.

– Подозреваю, раз ты вспомнил обо мне, я тебе понадобился.

– Угадал. Нужна твоя профессиональная помощь, только на тебя надежда.

Турецкий уже давно привык – если к нему обращаются и говорят подобные слова, значит, он действительно нужен. Поэтому он сразу спросил:

– Куда нужно подъехать?

– Ты настоящий друг! – обрадованно воскликнул Никита. Он продиктовал адрес, и Турецкий открыл карту Москвы. Ехать придется не меньше сорока минут.

На берегу Москвы-реки его уже поджидала небольшая группа милиционеров, и среди них он увидел толстенького лысоватого Никиту. За то время, сколько они не виделись, товарищ заметно раздался в ширину. Китель обтягивал его брюшко, пухлые щеки слегка свисали. Но голубые, немного выпуклые глаза сохранили прежний юношеский блеск. Турецкий подумал, что занятия спортом вряд ли привлекают Никиту.

Мужчины обменялись рукопожатиями, и Никита неожиданно для Турецкого обнял его, хотя они особо никогда не дружили.

– Я слышал, ты перешел в частное агентство? – спросил Серегин и окинул быстрым взглядом подтянутую спортивную фигуру Турецкого. Тот заметил в его взгляде зависть и усмехнулся про себя.

– Да, служу потихоньку.

– Не сказал бы, что потихоньку. Доходят слухи, что вы несколько крутых дел раскрыли. И как вам удастся?

– Работаем... – пожал плечами Александр.

– А у нас проблемы... Большие, – пожаловался Серегин. – Хотя тоже работаем не покладая рук. Ну ладно, я без предисловий. Знаю, что время дорого.

– Ты даже не представляешь, насколько, – усмехнулся Турецкий.

– Небось, загребаєте в частном агентстве? – теперь уже и в голосе Серегина прозвучали нотки зависти.

– Мешками... – поддел его Турецкий. – Но если серьезно, Никита, то работаем, конечно, не задаром. Вы же тоже зарплату получаете. Так что много времени уделить не смогу.

Никита заторопился, словно испугался, что Турецкий не дослушает его до конца и умчится загребать мешками гонорары.

– Понимаешь, сегодня нам позвонил какой-то мужик. Не назвал, сказал, что удил рыбу и заметил в кустах лодку. Удивился – лодка не привязана, как будто бесхозная. Подошел, а в ней труп, женский. Позвонил в милицию, а они уже нас вызвали.

– Ты теперь в речной, что ли? – спросил Турецкий.

– Уже пять лет. Столько утопленников повинытащивали, не представляешь, – вдруг пожаловался он. – Но эта не утопленница, ее задушили. Главное, никаких документов при ней, да и лодка незнамо откуда.

– Так причина смерти – удушение? – сразу приступил к делу Турецкий. – Медэксперт уже приезжал?

– Да, произвел внешний осмотр тела и уехал. Говорит, ее сначала изнасиловали. Да вот акт...

Он протянул Турецкому бумагу.

– Тело увезли?

– Нет еще. Я решил, что, если ты согласишься приехать, лучше бы тебе все увидеть своими глазами.

Он стал спускаться к реке, Турецкий за ним, вся свита немедленно присоединилась, негромко переговариваясь.

– Лодку мы привязали. Но вот досада – никаких опознавательных знаков. Если бы ее взяли на лодочной станции, то был бы номер или название... Ничего.

Турецкий пожалел, что не захватил с собой кроссовки. Спускаться в модельных туфлях было неудобно. Подошвы скользили по траве, и он чуть не упал. Никита подхватил его под руку.

Лодка едва заметно качалась у самой кромки воды, а вместе с ней и мусор, который оставляют после себя любители отдыха на природе. На пенке в тени деревьев сидел милиционер и читал газету. Он вскочил, едва увидев процессию.

– Николай, с трупа пластик, – приказал Серегин.

Сержант снял черный пластиковый пакет, которым было прикрыто тело. Турецкий заглянул в лодку. На дне на спине лежала женщина, вытянув ноги. Ее согнутые в локтях руки словно тянулись к шее. На теле остались обрывки одежды. В глаза бросились гематомы на внутренней стороне бедер.

– Сопротивлялась, – заметил Турецкий, указав на ее руки – тоже в многочисленных гематомах.

– Ты на шею обрати внимание, – сказал Никита.

Турецкий наклонился над женщиной. Сержант откинул ее длинные волосы, которые закрывали шею. Турецкий поморщился. Зрелище было не из приятных – шея несчастной вздулась над узкой странгуляционной бороздой багровым подтеком.

– Петля была из тонкого и жесткого материала, – прокомментировал увиденное Турецкий.

– Медэксперт тоже сделал такой вывод. Странгуляционная борозда глубокая и узкая.

– Такой след оставляет металлическая струна.

Серегин промолчал.

– В лодку из вас кто-то залезал?

– Медэксперт, когда осматривал тело... Я, естественно, потом наш эксперт-криминалист – снимал отпечатки. Потом фотограф, – перечислял Серегин. – Все улики уже увезли на экспертизу. Меня мучает, откуда лодка – никаких опознавательных знаков, – повторил он.

– Ну я бы прежде всего объездил все лодочные станции вверх по течению. Может, частники на своих лодках номера и не ставят. Кстати, сфотографировали лодку? Можно показывать снимок для опознания.

– Все сделали.

– А зачем тогда я тебе? – удивился Турецкий.

Никита тяжело вздохнул, снял фуражку и вытер платком лысину.

– Это уже третий случай за два месяца. И мы ничего не можем сказать об убийце. Никаких следов.

– Все убитые – женщины?

– Да. Но вот чтобы в лодке – первый случай. Один труп выловили из реки прямо на середине. Второй прибило к берегу. Когда на шее второй обнаружили такую же странгуляционную борозду, поняли, что убийца – один и тот же... даже не хочется говорить – человек.

– Теперь уже придется все три дела объединять в одном производстве.

– Нам еще не хватало серийного убийцы в самом разгаре летнего сезона...

– Сочувствую... А личность погибших установили?

– Нет. На них никто в розыск не подавал. И в базе данных они не значатся.

– Может, они проститутки? Родители просто не знают, что они пропали.

– Ничего не могу сказать. На теле нет тату, по обрывкам одежды ни о чем судить тоже нельзя.

– Ну а другие признаки? Например, слишком много косметики на лице...

– Теперь и по этому признаку особо не определишь. Обилие косметики скорее говорит о вкусе женщины, – изрек Никита с видом бывалого сердцеда. Турецкий про себя усмехнулся. Внешность у Никиты была самая заурядная, хотя это тоже ни о чем не говорит. Возможно, он мастер ухаживать и говорить комплименты, знает особый подход к женщинам...

– Может, они приезжие? Их еще не хватились...

– Да мы следим за базой данных, где появляются заявления родственников о пропавших. Пока ничего...

Никита держал фуражку в руке, и ветерок шевелил его тонкие белесые волосы вокруг лысины.

– В этот раз вам повезло хотя бы в одном. Вы сможете установить ДНК убийцы по биологической жидкости. У первых двух жертв наверняка все вымыло водой.

– Да, первая в воде находилась сутки, вторая – двое.

Турецкий запрыгнул в лодку, внимательно осмотрел ее. В лодке было чисто, словно в ней произвели генеральную уборку.

– Мы уже собрали все вещдоки. Здесь был обрывок газеты, окурки.

– Работать есть с чем.

Никита взял Турецкого под руку и отвел в сторонку от посторонних ушей.

– Саша, может, подбросишь нам версии... – неловко улыбнувшись, попросил он. – Ей-богу, уже всю голову сломал. Топчемся на одном месте, никаких подвижек. Начальство жучит, а мне повышение светило. Как бы не сказало на моей карьере. Знаешь же, как бывает...

Турецкому стало неприятно. Откровенность бывшего однокурсника, которого прежде всего беспокоила собственная карьера, неприятно удивила его. Хотя, если припомнить студенческие годы, Никита и тогда производил не ахти какое впечатление. Он был человеком

себе на уме, который ловчил и выкручивался, нередко вызывая неприязнь и насмешки однокурсников. Конечно, можно сказать Серегину – выкручивайся сам, ты в этом поднаторел за двадцать пять лет своей карьеры. Но в данном случае неважно, какую цель преследует Серегин, расследуя убийства. Даже если за этим стоит шкурный интерес. На Москве-реке появился серийный убийца, само его существование является угрозой для населения. И его нужно обезвредить для безопасности людей.

– Я подключусь, – сказал Турецкий и высвободил свою руку. – Но не ради звездочки на твоих погонах, как ты понимаешь...

– Да я это так... к слову, как другу... – заюлил Никита, но на его лице засветилась улыбка.

– Тогда приступим сразу к делу, – перешел на официальный тон Турецкий. – Раздай своим людям фотографии лодки и разошли их по всем лодочным станциям Москвы. Пускай выяснят, куда вчера не вернулась лодка. Пусть эксперт распечатает фотографию девушки, ее тоже нужно показывать. Мало ли, может, она не первый раз каталась. Могли запомнить и ее, и ее спутника. Только скажи своему медэксперту, пускай придаст ее лицу вид... поживее. Макияж, румяна там... Всякое другое... Ну, сам понимаешь, чтобы она была больше похожа на ту, какой ее видели в последний раз. Кстати, пришли на электронный адрес нашего агентства заключение медэксперта, когда он произведет вскрытие тела в лаборатории. Мало ли какие новые обстоятельства откроются. И дела, и фотографии всех троих погибших тоже пришли.

– Ой, спасибо тебе, Сашок, – обрадованно зачастил Серегин. – Прямо такое облегчение... Камень с души свалился.

– За что ж это спасибо? – удивился Турецкий. – Пока еще ничего не сделано.

– Ну, ты мне протянул руку помощи... Подставил свое дружеское плечо. О тебе ведь все говорят – сыщик высшего класса.

Турецкий вспомнил, что в студенческие годы Серегин славился еще и как мастер по подхалимажу.

– Никита, давай договоримся, – сказал он сухо, – меня твои льстивые речи не трогают. Это с женщинами, может, такой номер проходит. А я – следователь.

Серегин смутился только на мгновение.

– Да что ты, друг! Какая лесть? Я ведь от чистого сердца!

Его улыбка показалась Турецкому фальшивой, и Александр подумал – люди с годами редко меняются в лучшую сторону.

Кто-то окликнул Серегина, и подполковник помахал рукой – дескать, слышу, слышу, иду.

– За трупом приехали, – донесся до Турецкого чей-то крик.

У него зазвонил телефон, и Александр Борисович услышал недовольный голос своего начальника Голованова.

– Куда ты пропал? Наши уже стекаются.

– Да пришлось сделать небольшой крюк. Приеду – расскажу. Все, выезжаю.

Турецкий начал карабкаться на пригорок. Навстречу резво спускались с носилками санитары, о чем-то весело переговариваясь.

Александр Борисович подошел к своей машине. Сразу за ней стояла «Скорая помощь». Все дверцы были распахнуты, словно ее покинули в спешке. Но скорее всего дверцы не закрыли, чтобы машину продувал ветерок. Серегин поднялся наверх раньше Турецкого и стоял неподалеку в окружении людей в милицмейской форме. Он начальственным тоном отдавал приказания подчиненным. Увидев Турецкого, махнул ему рукой, чтобы тот подождал его. Александр кивнул, сел в машину и завел мотор. Вскоре в открытое окошко заглянула улыбающаяся физиономия Никиты.

– Значит, договорились, документы пришлю после вскрытия. Спасибо тебе, Сашок.

Он протянул в окно руку, и Турецкий пожал его влажную ладонь. Стоило Серегину отвернуться, Турецкий вытер ладонь об джинсы и с сожалением подумал, что нездоровая полнота для мужчин еще хуже, чем для женщин. Нет, он никогда не станет себя так запускать. Ни Ирина, ни тем более Алька ни за что не смирились бы, если б их любимый мужчина потерял спортивную форму. В обычной для себя ироничной манере он подумал, что не зря кое-кто из друзей многозначительно называет его турецким пашой. Это те, кто знает о его двойной жизни... Но ведь такая жизнь заставляет держаться в тонусе, – тут же подумал, оправдывая себя. Кстати, что-то давненько Алька не звонила, не проявляла своего служебного рвения. Уже часа три. На нее это не похоже. А Ирина тоже забыла своего мужа. Как он уехал с утра, так ни одного звоночка. А раньше отмечалась по пять раз в день... И после этого она еще имеет совесть упрекать мужа в том, что он недостаточно внимателен к ней! А сама?!

Альки не было и на рабочем месте, так что Турецкий зашел к Голованову в кабинет, ощутив легкую обиду.

Начальник сидел за столом, подперев щеку рукой, и читал какую-то бумагу.

– Сева, я сейчас встречался с моим бывшим однокашником, – начал рассказывать Турецкий, поудобнее устраиваясь в кресле.

Голованов только поднял глаза и продолжал так же опираться на руку. Он выслушал рассказ Турецкого и проникновенно сказал:

– Саша, помогать будешь в свободное от работы время. А к нам сегодня поступил заказ. На всех работы хватит.

– А Демидов, бедняга, все в няньках?

Голованов заржал.

– Демидов готов своего работодателя уже по стенке размазать, так он его достал. Хотя за такие бабки можно и потерпеть.

Турецкий усмехнулся. Демидов, здоровенный мужик, вынужден был уже вторую неделю охранять гражданина крохотного государства Лихтенштейн и таскаться за ним повсюду, разве что не укладывать в постель. Эрик Шихтер приехал по делам бизнеса. Наверное, его бизнес-проект был действительно дорогостоящим, раз он опасался, как бы на него не напали русские «бандито». Прецеденты с ним приключались уже дважды, в прошлые его приезды. Поэтому на этот раз он попросил русских партнеров подыскать ему надежную охрану. Демидов поначалу принял опасения Шихтера всерьез и рьяно принялся за исполнение своих обязанностей. Являлся в гостиницу чуть свет, потому что господин Шихтер каждое утро начинал с посещения Красной площади. И каждый раз фотографировал все ее достопримечательности, что выводило Демидова из себя. Первый раз он даже гордился, что Шихтер восхищается жемчужиной Москвы, но когда посещения перешли в странную привязанность, заподозрил – с Шихтером не все в порядке. При более тесном общении выяснились и причины прежних нападений на заморского гостя. В свой первый приезд он захотел испытать драйв, окунувшись в мир ночных развлечений неведомого ему народа, и отправился в ночной клуб. Там познакомился с какой-то красоткой, стал за ней очень активно ухаживать, но ее парню это почему-то не понравилось. Произошла ссора, и ревнивец накостылял Шихтеру так, что тот вынужден был позорно бежать. Мало того, на переговоры он явился с фингалом под глазом и несколькими полосками пластыря на лице, чем напугал русских партнеров. В свой следующий приезд он здорово набрался в ресторане и, когда возвращался ночью в гостиницу, его элементарно ограбили. Он с возмущением рассказал охраннику о своем боевом крещении в Москве, жалуюсь, что иностранцам в одиночку разгуливать по городу опасно. Демидов пытался объяснить, что и русскому человеку может так же не повезти, если он шляется по ночам в поисках приключений, но Шихтер ему не поверил.

Демидов сопровождал его на переговоры, сидел под дверью, дожидаясь, когда его работодатель освободится. Сопровождал в туалет, в рестораны, на вечеринки, по магазинам. Одним словом, всюду, и Шихтер со своими закидонами ему уже осточертел.

– Зато он тебя кормит на халяву в ресторанах! – позавидовала ему секретарь агентства «Глория» Аля, которой в свою очередь надоело ворчание Демидова.

– Еще бы не кормил! – огрызнулся Демидов. – Я ему не прислуга – впроголодь обслуживать!

Бедняга Демидов даже не мог забежать в агентство повидаться с коллегами, потому что был привязан к Шихтеру, как нянька. И все свои жалобы высказывал по телефону.

– Хоть бы он скорее уехал!

– А ты вычеркивай в календаре дни, будет легче ждать его отъезда, – посоветовала добрая Аля.

Сочувствуя Демидову, все, между тем, подтрунивали над злоключениями коллеги.

– Сегодня Володя уже звонил, но в этот раз с радостной вестью, – вспомнил Голованов.

– Неужто Шихтер уезжает?

– Да, Демидов заказал ему такси для вип-персон в аэропорт, надеялся, что он сам отвалит. Но тот пришел в ужас, сказал, что таксист может перепутать аэропорт, не туда отвезти. Или вообще завезти в лес, ограбить и даже убить. Слушай, и как он по миру ездит? Ведь там он обходится без охраны!

– Наверное, матушке-Европе он больше доверяет. Там любая страна для него родная.

– Наверное, – согласился Голованов. – А сегодня с утра, после обязательного посещения Красной площади, он потащил Демидова в Измайлово на вернисаж за сувенирами. Вечером устраивает отвальную в ресторане. А завтра в 4 утра отбывает. Так что Демидову последнюю ночь поспать не удастся. Бедняга...

В дверь постучали, и вошли Николай Щербак и Филипп Агеев.

– О, и ты здесь! – обрадовался Николай Турецкому, словно они вчера вечером не виделись.

– Мужики, – торжественно начал Голованов. – Дельце подвернулось. Не все ж нам в охране при богатеях состоять да потакать большим фантазиям ревнивых жен и мужей. Пока вас не было, приходила бабуля из Совета ветеранов с заявлением – пропал ветеран Степан Федорович Заботин. Уже два дня не могут к нему дозвониться. Она решила его проведать – мало ли что? А он и дверь не открывает. Она обзвонила больницы, морги – нет его нигде.

– А сколько лет старичку? – поинтересовался Николай.

– Девяносто два.

– Так что она хочет? Может, он помер... Лежит дома, потому и не открывает и к телефону не подходит. Что ж она в районное отделение милиции не пойдет?

– Ходила. Но они как узнали, что у него есть родственники, сказали – пусть родня и занимается своим дедулей. А взламывать дверь без согласия родственников они не будут. А то родственники всякие бывают. Ты им добро сделаешь, а они еще хай поднимут.

– А телефон родственников она знает?

– Не знает. Ветеран ей говорил, что у него бывшая жена живет в Митино. Еще внук имеется, где живет – неизвестно.

– Значит, нужно узнать, не находится ли дедуля в своей квартире. А почему не беспокоится бывшая жена, и так понятно. Вполне жизненная ситуация.

– Ну, учитывая, что они с дедом давно в разводе, ее равнодушие действительно понять можно. Кстати, о внуке Заботина бабуля из Совета ветеранов говорила, что он непутевый. Так ей сам дедуля говорил.

– Меня как человека, ответственного за ваше финансовое благополучие, интересует материальная сторона дела. Кто будет оплачивать наши розыскные действия? Чужая старушка? Вряд ли. Да и у Совета ветеранов наверняка нет на это средств. А нам всем нужна зарплата, – деловито заявил Турецкий.

– А тут самое интересное, – сказал Голованов. – Эта бабушка заверила меня, что ветеран – человек небедный. Он ей сам как-то говорил – деньги дома держит, банкам не доверяет. Кидали его уже не раз наши банки.

– И у него непутевый внук... – явно с намеком произнес Николай.

– Ход твоих мыслей мне понятен, – подхватил Филипп. – Если даже чужая старушка знает, что Заботин хранит деньги дома, значит, внук и подавно.

– Вот внук и расплатится, – заключил Турецкий. – В любом случае: украл – заплатит, и не украл – заплатит.

– Тогда поезжайте по адресам. Саша и Филипп – к деду. Опросите соседей, когда его видели в последний раз. А ты, Николай, проведай бабулю. Только адреса ее нет. Бабушка из Совета ветеранов знает только фамилию – Заботина. Видишь, Коля, не такие уж у них с дедом плохие отношения, раз она фамилию мужа сохранила.

– Скорее всего неохота было паспорт менять. Это же такая канитель.

– А Макс поможет найти адрес Заботиной. Для него это раз плюнуть. Пробьет в базе данных всех Заботиных, фамилия не такая уж распространенная. Прикинем ее возраст. Выясним, состояла ли в родстве с дедулей. – Турецкий сидел в кресле, положив ногу на ногу, и брезгливо рассматривал пыльные туфли. В спешке, покидая место преступления, забыл почистить их щеточкой, которая всегда лежала в багажнике его машины. Потом оглянулся на пустой стул у компьютера. – Кстати, а где Макс? Почему он не присутствует на летучке?

– За едой пошел. Да что-то застрял... А у меня в животе уже урчит, – пожаловался Агеев.

Словно в подтверждение его слов все услышали урчащие звуки, которые издавал требующий пищи живот Агеева.

В приемной послышались веселые голоса Алевтины и Макса, дверь отворилась, и улыбающийся во весь рот толстый Макс торжественно внес поднос, накрытый белоснежной салфеткой. Алевтина хихикнула, встретив удивленные взгляды коллег.

– Откуда вы? – спросили все хором.

– Из кафе, за углом.

– А что принесли? – Агеев плотоядно уставился на поднос.

Аля жестом фокусника сдернула салфетку, и все дружно ахнули. На подносе аккуратными рядами лежали пирожки. Их поджаристые корочки радовали глаз, аромат свежее испеченного теста немедленно заполнил всю комнату.

– А что ж так долго? – Агеев устремился к пирожкам, но Аля ловко набросила на них салфетку.

– Ждали, когда допекутся. Чтобы порадовать вас горяченьким. А теперь мыть руки и садиться за стол, – скомандовала девушка, словно она была хозяйкой гостеприимного дома и приглашала к пиршеству гостей.

– Пожалуй, сначала перекусим, – дал отбой розыскным действиям Сева.

– Правильно, на сытый желудок работается лучше. Мозг нужно питать! – глубокомысленно изрек Агеев и первый побежал мыть руки.

2

Турецкий после сытного обеда выпил чашечку кофе, взбодрился, поэтому, сидя за рулем, живо реагировал на безобразие, происходящее на дороге.

– Ну, куда поперла? – заорал он какой-то барышне, не очень надеясь, что она услышит. Красотка, не включив поворотник, неожиданным броском попыталась вклиниться в его полосу.

Агеев вздрогнул от резкого крика. Он уже успел задремать и даже начал погружаться в сон, но его беспардонно вернули к яви.

– Саш, так и кондрашка может хватить, – сонно проворчал он.

– Да видишь, что творит? – возмущенно пожаловался Турецкий и все-таки пропустил нахапку. Она смело протырилась и в благодарность помигала огоньком.

– Да ну ее к чертям. Что ты нервничаешь? Торопится девка, ну и пропусти ее.

Сытый Агеев был настроен весьма миролюбиво. Он проснулся окончательно и, заглянув в карту, оценил обстановку.

– Почти приехали. Еще чуть-чуть и будем на месте.

Минут через пять они завернули в переулок, проехали еще метров двести и въехали во двор. Дома были старые, постройки тридцатых годов, корпуса стояли друг за дружкой одинаково неухоженные, с облупившимися стенами.

Турецкий набрал номер телефона.

– Ольга Сидоровна, мы уже на месте... Сейчас придет, – обратился он к Агееву.

Тот уже открыл дверцу и вышел, с наслаждением потягиваясь.

– Какой денек погожий. Люблю солнышко!

Ждать пришлось совсем недолго. Из подъезда вышла старушка и заковыляла к ним, припадая на левую ногу и опираясь на клюку.

– Спасибо, что приехали. А то я так беспокоюсь за Степана Федоровича, – запыхавшись, поблагодарила их Ольга Сидоровна. – Наша районная милиция велела мне родственникам Заботина позвонить, чтобы те приехали и сами выясняли, что с нашим ветераном. Я уже полдня этим занимаюсь. Звоню его бывшей жене, а она не отвечает. Телефон ее нашла среди своих бумаг.

– А почему вы вообще всполошились? – поинтересовался Турецкий. – Два дня – не срок. Или вы привыкли ежедневно созваниваться?

– Да нам тут два дня назад спонсоры продуктовые заказы завезли. Я всех обзвонила, заранее предупредила, чтобы вовремя получили. Потому что продукты скоропортящиеся – и масло, и молоко, и колбаса... Заботин обычно приходил один из первых. А тут пообещал, что придет, а сам пропал. И два дня на звонки не отвечает. Я один раз пошла к нему, звонила долго в дверь, прислушивалась. Но там было тихо. Волнуюсь за него. Все-таки старый человек, хотя на здоровье и не жаловался. Доковыляла в милицию, ходить-то мне трудно. Ну, они меня и отправили обратно. Я тогда прямиком к вам.

– А к нам как добирались? – удивился Турецкий, глядя на ее клюку.

– Сын подбросил на машине. У него работа рядом с вами. Потому он и знает о вашем агентстве, видел вывеску. Пока я у вас сидела, он у себя на работе был. Потом назад отвез. А что вы теперь собираетесь делать?

– Попытаемся выяснить, что с вашим старичком. Может, его и дома-то нет. Вы же говорили – внук у него есть. Не мог поехать ваш подопечный к внуку?

– Ну, это вряд ли. Внук к нему приезжал регулярно, это я знаю. Но чтобы Заботин к нему ездил... Нет, он мне об этом не говорил. Да вроде и внук живет на другом конце Москвы, а Заботину же девяносто два года.

Они уже зашли в подъезд, и Ольга Сидоровна вызвала лифт. Поднялись на четвертый этаж, подошли к двери. Старушка испуганно следила за действиями Турецкого и Агеева. В дверь звонили долго, но безрезультатно. Агеев увидел почтовую щель и припал лицом к двери. Конечно, он не рассчитывал на то, что увидит что-нибудь. Незаметно для старушки втянул носом воздух и почувствовал слабый запах, который был ему хорошо знаком. Он усилием воли подавил неприятную тяжесть в желудке и с ложным оптимизмом заявил:

– Ну, дальше мы уж сами. Вы возвращайтесь домой, Ольга Сидоровна. Больше ничем нам помочь вы не в силах.

– А что такое? – забеспокоилась старушка, и Агеев понял: она боится даже думать о том, что там за дверью.

– Ничего особенного. Возможно, придется вскрывать дверь. Дело это нудное, длительное, вы и так устали.

– Да я медсестрой была на фронте! Знаете, сколько я наших солдатиков на себе вынесла? – старушка решительно подошла к двери. – Не уйду! Я должна убедиться, что с Степаном Федоровичем все в порядке.

– Боюсь, с ним не все в порядке, – мягко сказал Турецкий. Пока Агеев пытался сбавить бабулю, он уже и сам учуял отвратительный запах, которым потянуло из щели в двери. Желудок сжался, и Турецкий пожалел, что слопал едва ли не десяток пирожков.

Прошло еще не менее сорока минут, прежде чем Агеев, Турецкий, отважная Ольга Сидоровна, представитель ЖЭКа и районный милиционер зашли в квартиру Заботина. Отвратительный запах усилился, и мужик из ЖЭКа закашлялся. Милиционер тяжело вздохнул, предвкушая не очень приятную процедуру.

– Подождите здесь, – попросил Турецкий усатого толстого мужика и старушку. Они послушно остановились в коридоре, зажав носы пальцами. Мужик с любопытством и плохо скрываемым страхом заглядывал в комнату. Ольга Сидоровна испуганно вжалась в угол, в ее глазах стояли слезы. Она уже все поняла.

В проходной комнате царил кавардак. На стульях висела одежда, пол давно не подметали. У стены стоял старый продавленный диван, напротив него на допотопной тумбочке – небольшой телевизор. Пыль толстым слоем покрывала экран. Посреди комнаты большой круглый стол, на грязноватой клеенке – кипы старых газет, чашка с черным ободком внутри и темной жижей на дне. Похоже, хозяин дома уборкой занимался крайне редко, если чистота в доме его вообще интересовала. В тишине слышался какой-то странный жужжащий звук, и Турецкий не сразу понял его природу. Дверь во вторую комнату была плотно закрыта. Турецкий приоткрыл ее и инстинктивно отпрянул. Запах смертишибанул в нос. Рой мух облепил кровать и то, что на ней находилось, но с порога не было видно. Они-то и жужжали, производя звук, похожий на работу небольшого моторчика. Турецкий пропустил Агеева и милиционера и сразу же закрыл за собой дверь, обеспокоенно подумав, каково сейчас старушке и дядьке из ЖЭКа.

Старик Заботин лежал на кровати, вытянувшись на одеяле. Несвежая простыня свисала до самого пола. На лице застыла гримаса страдания. Одной рукой он сжал край одеяла, второй вцепился в ворот рубашки, словно хотел разорвать его. Потревоженные мухи взметнулись и теперь жужжали над головой старика.

– Вот блин, – ругнулся мент и поспешно вытащил из кармана телефон. Агеев пулей выскочил из комнаты и помчался в туалет. Минут через пять он вышел со смущенным видом и сказал:

– Зря я так на пирожки налегал...

Старушка и мужик в шоке смотрели на Агеева. Его фраза показалась им чудовищной.

– Я думаю, теперь вы уже можете идти домой, если не хотите оставаться понятыми, – сказала им Турецкий. – К сожалению, вы были правы, Ольга Сидоровна, когда беспокоились о вашем ветеране.

Старушка и мужик с облегчением покинули квартиру. Хлопнула дверь.

Спустя полтора часа, когда тело Заботина увезли, а милиционеры, не скрывая радости, передали расследование в руки сыскарей, Турецкий сообщил Голованову, что они с Агеевым приступили к работе. Филипп уже снимает «пальчики» на всех поверхностях, так что Турецкий сейчас подключится к нему. Но уже есть улика, которую вместе с отпечатками Агеев отвезет на экспертизу. А сам Турецкий продолжит изучение места преступления. Таков план на ближайшее время.

– А что – есть подозрение, что это убийство? – спросил Голованов.

– Если бы не заглянули в мусорное ведро, то подумали бы, что умер от сердечного приступа. Старикану девяносто два года, возраст давно уже критический.

– А что в ведре?

– Две упаковки из-под нитроглицерина.

– Так это же от сердца... Старик, небось, принимал, дело обычное.

– Упаковки лежат вместе. Если бы он их принимал дозированно, как предписывают врачи, между упаковками был бы другой мусор. А они сверху. Он бабахнул все таблетки разом. Или кто-то накормил его обманом.

– А на суицид не похоже?

– По словам Ольги Сидоровны, старик был хоть куда. Энергичный, жизнелюб, ни от кого не зависел, сам себя обслуживал. У него не было причин покончить с собой. На кухне я обнаружил на конфорке полкастрюли гречневой каши. Вряд ли он стал бы себе готовить, замыслив уйти из жизни. К тому же как человек экономный поставил бы остатки в холодильник. В общем, есть подозрение, что в каше найдем нитроглицерин. Я тут еще поищу деньги. Ольга Сидоровна говорила, что он человек небедный. Но денег мы пока не обнаружили вообще. Я теперь сомневаюсь – насколько он был богат. Обстановка в доме бедноватая, одежда изношенная. На обувь вообще без слез не взглянешь.

– Ой, Саша, старики такие прижимистые. Все копят, копят, на себя не тратят. Воспитание у них такое – экономить и себя не баловать. Как говорится, всегда жили плохо, нечего привыкать к хорошему.

– Скорее всего, ты прав... Ладно, будем искать следы внука. Знать бы его фамилию, черт бы его побрал. Но должны же в доме остаться хоть какие-то его детские фотографии, открытки, хоть что-то. Агеев после эксперта пойдет в паспортный стол узнавать, кто был прописан в квартире Заботина с тех пор, как он сюда вселился. А у меня в планах посетить соседей. Вряд ли внук деда не попадался им на глаза.

Шестнадцатиэтажный дом в Митине, где проживала Заботина Зинаида Михайловна, выглядел так нарядно, что Николай Щербак даже остановился, чтобы полюбоваться на него. Дом построили совсем недавно. Стены строители выкрасили в нежно-розовый цвет, и одноэтажные домики на соседней улице, серые и унылые, по сравнению с новостройкой не выдерживали никакой критики. Интересно, каково жителям этого поселка каждый день просыпаться и видеть возвышающийся над ними розовый корабль, антенны которого, казалось, упирались в небо? Наверняка невольное сравнение не вызывало у старожилов добрых чувств. А уж его жители и подавно.

Николай вытащил из кармана распечатку адреса. Умница Макс в мгновение ока пробил всех Заботиных и выделил именно Зинаиду Михайловну, восьмидесяти двух лет от роду. Она была прописана одна в квартире номер девяносто шесть одна. Среди остальных немногочисленных Заботиных в базе данных никто не подходил на роль внука старика Заботина. Значит, фамилия у него была другая.

Щербак позвонил в домофон. Как и ожидалось, никто не ответил. Тогда он набрал номер соседней квартиры. Женский голос ответил сразу, а когда Николай представился следователем и сообщил, что разыскивает Заботину, дверь открылась тотчас же.

Еще находясь в лифте, он почувствовал запах гари, который усиливался по мере того, как лифт поднимался вверх. Щербак уже готовился к худшему и не ошибся. Дверь квартиры под номером девяносто шесть имела довольно жалкий вид. Видно было, что ее взламывали, притом делалось это с нескольких попыток.

Дверь напротив была приоткрыта, Николая поджидала соседка Заботиной. Она представилась Майей, без отчества, хотя на вид ей было лет сорок пять. Веселенький халатик открывал ее полные коленки, и Николай смущенно отвел взгляд. Уж очень аппетитный у них был вид.

– Что здесь произошло? – спросил он после того, как поздоровался и представился вторично.

– Да вы зайдите, – пригласила его женщина и распахнула дверь своей квартиры пошире.

Щербак зашел, нерешительно потоптался, раздумывая, нужно ли снимать обувь. Пол был свежeweымыт, вроде полагается разуться. Но вот беда – он не помнил, сменил ли вчера носки со здоровенной дырищей на большом пальце.

Майя пришла ему на помощь.

– Можно в обуви проходить, только ноги хорошенько вытрите.

Пока он вытирал ноги о соломенный коврик, она мелькала по комнате, как метеор, снимая со стульев одежду и пряча в шкаф.

Николай дал ей возможность убраться и не спеша зашел в комнату.

Майя усадила его на добротный диван, сама плюхнулась рядом.

– Так вы из милиции?

– Не совсем, – признался Щербак. – Я из частного агентства.

– Как интересно! – у Майи загорелись глаза. – Не думала, что пожаром заинтересуются частные агенты.

– Я о пожаре ничего не знал. Расскажите, пожалуйста, что случилось? – попросил Щербак и вытащил диктофон.

Женщина уставилась на диктофон и смущенно хихикнула.

– Это что ж, я интервью буду давать?

– Не обращайтесь внимания. Это вместо того, чтобы записывать ручкой. Так быстрее.

– Тогда ладно. В общем, два дня назад к Зинаиде Михайловне приехали гости. Я слышала, как они под ее дверью разговаривали. Голос ее внука слышала – Митьки.

– Вы их не видели?

– Нет. Теперь жалею, надо было посмотреть в глазок. А у меня тут запарка была, уборка полным ходом. Ко мне сегодня сваты должны приехать из Одессы. Ну я и устроила генеральную уборку. Несколько дней все чищу и скребу. Как раз два дня назад убирала в ванной и прихожей, вот и слышала голоса.

– Они не скандалили? Не ругались?

– Да нет, говорили спокойно. Правда, – она поморщилась, – с матерком. Но у Митьки и его друзей это дело обычное. Потом еще раз слышала – выходили покурить. Даже не знаю, сколько их было. Трое или четверо... – задумалась Майя.

– Какая же вы нелюбопытная, – огорченно отметил Щербак.

– Ну уж извините, – развела руками Майя. – Нелюбопытная. Зато у меня реакция быстрая. Когда ночью в коридоре потянуло запахом дыма, я вызвала пожарников. И как раз вовремя. Они успели потушить огонь, пока он не разгорелся. А то бы здесь все соседи и угорели, и сгорели.

– А в котором часу потянуло дымом?

– После одиннадцати. Я уже спать собиралась, чую – запах, словно горит что-то. Ну я выглянула в глазок, а из-под двери Заботиной дым клубится. Сразу и позвонила пожарным. Они быстро приехали. Пришлось им дверь Заботиной взломать. Слава богу, огонь не успел разгореться. Окна у нее были все закрыты. А без притока кислорода огонь разгорается медленно. Вы это знаете?

– Знаю, – ответил Николай. – Вы, наверное, учительница? – скорее подтвердил, чем спросил Щербак.

– Как вы догадались? – удивилась Майя.

– А я про учителей всегда догадываюсь. У меня на них чутье, – усмехнулся Щербак.

– А-а, потому что у нас тон назидательный, знаю! – улыбнулась Майя. – И отделаться от него невозможно. Издержки профессии.

– И что было дальше? – вернул в нужное русло рассказ соседки Щербак.

– А дальше совсем плохо. То есть хорошо, что потушили вовремя. Комната не успела выгореть, мы не пострадали. А плохо то, что Зинаида Михайловна умерла.

Майя тяжело вздохнула.

– Задыхнулась от дыма? – спросил Николай.

– Да нет, ее убили, – округлив глаза, выдохнула Майя.

– Кто?

– Внук или дружки, или все вместе.

– Откуда вы знаете?

– Милиционеры предположили. Меня в понятия пригласили, так что совершенно неожиданно для себя я оказалась в курсе событий. Когда ее выносили в черном мешке, мне чуть плохо не стало. Потом полночи не спала, давление поднялось. Вчера на работу не пошла, плохо себя чувствовала. Вот и уборка затянулась...

Вид у Майи был настолько здоровый, что Щербак невольно подумал: если она больная такая свеженькая, то как же она выглядит, когда здоровая?

– А вы знаете фамилию этого Митьки, внука Заботиной?

– Нет, как-то не приходилось слышать. Я с ним-то почти не знакома. Когда мы все переехали в этот дом и потихоньку перезнакомились, Зинаида Михайловна мне его однажды представила: «Вот мой внучок, Митенька». Потом я иногда его видела, когда он приезжал к ней. Но вы знаете, он мне сразу не понравился. От таких предпочитаю держаться подальше.

– А чем же он вам не понравился?

– Вид у него человека лживого... Глаза бегают, разговаривает – в лицо не смотрит, голову опускает. Чистый уголовник. Кстати, возможно, он действительно сидел. У него на руках наколки. Я еще удивлялась – чему она так радовалась, когда он приезжал? Может, из-за одиночества. Мне бы, честно говоря, и в дом его впускать было бы страшно.

– А с друзьями он часто приходил?

– Иногда с ним двое-трое было. Но шум они никогда не производили, не беспокоили. Так что у меня к ним претензий не было.

– А в тот раз, перед пожаром, вы ничего не слышали?

– Музыка громче включили, но тоже в пределах допустимого. Конечно, мне было слышно, когда я в прихожую выходила. Но это не тот случай, когда нужно приструнить людей. Себе дороже. Квартира Заботиной напротив, так что не особенно мешали. Когда я дверь в комнату закрываю, не слышно.

– И когда они ушли, вы тоже не слышали?

– Нет, – с виноватым видом ответила Майя.

– И еще вопрос. В каких отношениях вы были с соседкой? Она вам рассказывала что-нибудь о личной жизни? Почему она в старости надумала развестись с мужем?

– Ну, отношения у нас сначала были просто соседские. В смысле – здоровались. Однажды на Пасху она меня пригласила, чай попить с куличом. Вот только тогда и разговорились. После того случая мы с ней иногда чай пили – то у меня, то у нее. И постепенно она мне рассказала о своей жизни. Что прожили с дедом пятьдесят девять лет, но в последние годы он ее ужасно раздражал. Все сутяжничал с властями, чего-то добивался. И если бы для семьи – то ладно, а он то помойку требовал перенести в соседний двор, то магазин убрать под окнами, то обустройством детской площадки занимался, то дворовым сквером.

– А ей хотелось, чтобы он дома сидел? Старик приносил пользу людям, заботился о чужих детях, соседях.

– И совсем не заботился о своей семье. У него пенсия была хорошая, так он выделял для семьи крохи, едва на питание хватало. А остальное копил. Она говорила, что он деньги прятал где-то дома. Ну, она обижалась, что он прячет от нее деньги. Она ж ему не чужая, столько лет вместе прожили. За пенсией он на почту ходил, так что она не знала, сколько он получает. Только догадывалась, что как бывший участник войны и как полковник в отставке – немало. А когда просила на какие-то семейные нужды, всегда говорил – денег нет. Тебе сколько ни дай – ты все потратишь. Характер к тому же у него был очень тяжелый. И Зинаиде Михайловне надоело, что он скандалил частенько, да и жили фактически на ее пенсию. Лет пять назад развелась с ним.

– А как она получила эту квартиру? Дом новый, вряд ли у нее были деньги на покупку жилья.

– А она – тоже участница Отечественной войны. Когда построили этот дом, выделили квоту для участников, вот она и получила бесплатное жилье. Правда, до этого три года маялась в комнате в коммуналке. Опять же, когда она с мужем развелась, через Совет ветеранов ей выделили жилье в бывшем общежитии.

– А что ж они не продали свою квартиру?

– Дед не хотел приватизировать. А без этого не продашь. Вообще, думаю, характер у него был не просто очень тяжелым, а несносным. Он из тех, для кого общественные интересы выше личных, а родные пускай пропадают. Ему нравилось, что все соседи его знали, уважали, даже в районной газете о нем писали, как о борце за правду. А на жену ему было наплевать.

– А дети у Заботиных были? Неужели не принимали никакого участия в жизни стариков?

– Их дочь умерла уже давно, даже не знаю, когда. А с семьей сына старик рассорился много лет назад. Фактически выжил их и даже вынудил выписаться. Они не общались десятилетия.

– Ну ладно, старик вредный. А Зинаида Михайловна как же? Она тоже не общалась с семьей сына?

– Когда дед выгнал сына, она была бессловесной, запуганной, боялась мужу слово поперек сказать. И сын обиделся на нее, а упрямством, наверное, в своего отца пошел. Потом она пыталась наладить с ним контакт, но он ни разу не приехал.

– Так чей сын Митя, то есть Дмитрий? Ему, ведь, наверное, уже за тридцать?

– Он сын дочери Заботиных. После ее смерти муж спился от тоски и вскоре тоже умер, зимой замерз на улице. Его даже не сразу хватились, только через неделю Митя опознал его в морге. Вообще, я вам скажу, до чего несчастная семья... Все у них наперекосяк. Никаких человеческих отношений. Вот этот Митя – ведь приходил иногда к бабушке, так тоже не из родственных чувств. Приводил компанию, она на всех готовила, радовалась, что ее не забывают... И вот благодарность за все.

– А как вы думаете, у Зинаиды Михайловны было что украсть? Ну, ценности какие-нибудь, деньги.

– Ценности? – в голосе Майи прозвучала нотка сомнения. – Однажды она мне показывала шкатулку с золотыми колечками и сережками. Все такое дешевенькое, хотя изделия из золота. Камешки искусственные, золото невысокой пробы. Ей в разное время дарили сын и дочь, вот она и показала мне, чтобы я увидела – семья у них была хорошая, дети ее любили. Ну, понимаете, она так много рассказывала о своей не особенно счастливой семейной жизни... Наверное, хотелось самой себе доказать, что не все было так плохо.

– А в доме дорогие вещи были?

– А вы разве не можете сами посмотреть? Наверное, как следователь вы имеете право.

– Мне нужно получить разрешение на обыск. Я же приехал только выяснить, общалась ли с Заботиным его бывшая жена и что она может сказать об их общем внуке. А тут такие печальные новости.

– У Зинаиды Михайловны недавно появился дорогой телевизор. Я даже удивилась. Но спрашивать ничего не стала. Думала, захочет – сама расскажет. Но она не успела.

Майя стала поглядывать на часы, и Николай вспомнил, что она ждет гостей, а он ее отвлекает своими расспросами.

– Вы нам очень помогли. Спасибо вам, – он пожал ей на прощанье руку. И решил пойти в местное отделение милиции, ознакомиться с материалами осмотра места происшествия. Или, точнее сказать, – места преступления. Надо бы еще и в морг съездить, узнать, произвели ли медэксперты вскрытие тела Заботиной.

Выйдя на улицу, Щербак набрал номер телефона Голованова.

– Сева, в Митине труп. Заботину убили, пытались скрыть следы преступления и устроили пожар.

– Есть подозреваемые?

– К ней в этот вечер заезжал внук с компанией. Думаю, это их рук дело. Короче, квартира опечатана. Сейчас иду в отделение милиции, потом в морг. И надо еще выяснить, как фамилия внука. Скорее всего, он был судим. Да, нужно заняться поисками сына Заботиных. Он с женой выписался из квартиры старика много лет назад. Надо посмотреть по архивам, куда он переехал.

– Кстати, старикан Заботин тоже, похоже, умер не своей смертью. Его отвезли на вскрытие. Ребята сейчас на месте преступления, ищут улики. Да... – хихикнул Сева, – жалуются, что объелись пирожками. Говорят, они им на пользу не пошли. Мутит их теперь.

– Что ты говоришь? – удивился привередливости товарищей Николай. – А мне пирожки понравились!

3

Поиски хоть каких-то документальных подтверждений того, что внук проживал в квартире деда, успехом не увенчались. Даже записной книжечки с телефонами и адресами найти не удалось. Пока Турецкий старательно изучал многочисленные бумаги деда – в основном состоящие из вырезок из коммунистических газет и заявлений в различные городские инстанции, нескольких грамот с мест работы, от ЖЭКа, Агеев провернул кучу дел. Он вернулся, когда Турецкий сидел на диване и пытался разобраться с семейным фотоальбомом, где в жутчайшем беспорядке без всякой хронологии были свалены фотографии. Пожелтевшие снимки стриженных наголо солдат, среди которых угадывался дед Заботин в призывном возрасте. Он же в любительском оркестре с балалайкой в руках среди таких же чубатых парней – то ли студент, то ли молодой рабочий, не понять. На другой стороне фотографии только указан год – 1939. Множество фотографий молодых женщин с прическами первых послевоенных лет – причудливые валики, составляющие трехэтажные башни.

– А старик, видать, в молодости был ходок, – Агеев заглянул в альбом и ткнул пальцем в очередную круглолицую красотку с валиками на голове. – Эта ничего, хорошенькая.

Он перевернул фотографию и прочитал: «На долгую память Степушке от Веры».

– Ну, что выяснил? – с явным облегчением оторвался от фотографий Турецкий.

– Отпечатки пальчиков и кашу отвез экспертам. В паспортном столе узнал, что в этой квартире были прописаны Степан Федорович Заботин, его жена Зинаида Михайловна, их сын Сергей Степанович и жена сына Антонина Юрьевна. Но они выписались двадцать три года назад.

– А дети у них были?

– Если и были, то здесь не прописаны.

– Значит, внук Митя не от сына Заботина?

– Черт его знает. Может, родить-то родили, а прописали в другом месте.

– Зачем? Странно как-то.

– Почему странно? Допустим, у жены Сергея Степановича было жилье. Они хотели сохранить его для своего сына Мити, вот и прописали там.

– И сыну дали фамилию матери? Маловероятно, но логично. И пока это только версия. А жена старика Заботина когда выписалась?

– Пять лет назад.

– Жили, жили, а на старости лет развелись. Глупо как-то. Правда, чего в жизни не бывает? Может, осточертели друг другу... Ладно, возвращаемся к фотографиям.

И опять перед ними замелькали застывшие картинки чужой жизни. Мальчишка-подросток на велосипеде, год 1962. Агеев радостно воскликнул:

– Сын деда, Сергей. Смотри, нос такой же хищный, глазки в кучке, только побольше. На фотографии действительно была надпись – «Сережа, 15 лет».

– Так, с сыном разобрались. Я его теперь узнаю на любой фотографии. А где же этот паразит Митька?

– Сам черт ногу сломит, – проворчал Турецкий, перебирая фотографии.

– На старые довоенные даже не смотри. Нам нужны последние. Может, внук в детсад ходил, там любят снимать утренники. Или его в пионеры принимали. Или со стройотрядом ездил, если, конечно, учился в учебном заведении после школы, – увлеченно заговорил Агеев.

– Вот свадебная фотография деда и бабки Заботиных, – Турецкий нашел пожелтевшую фотографию, на которой Заботин с хищным выражением лица прижимал к себе оробевшую испуганную невесту.

– Смотри, с детьми... – вытащил семейную фотографию Агеев. – Уже теплее. – И надпись есть. Теперь хоть знаем, как зовут дочку Заботиных – Лиза. А Сергей старше ее лет на пять. Почерк женский, видать, жена Заботина подписывала.

– А вот еще теплее, – Турецкий выудил снимок парнишки лет десяти, мало похожего на деда, но характерный хищный нос указывал на их родство.

– А, может, это не внук, а сын...

– Смотри, год 1982. Точно внук.

– Хоть бы надписали, балбесы, – выругался Агеев, повернув фотографию. Там стоял только год.

Они шелестели фотографиями, и у Турецкого было ощущение, что он роется в тайнах чужой семьи.

– А это кого хоронят? – вытащил он фотографию, где толпа народа с похоронными лицами сгрудилась у гроба. Перевернул фотографию. Надпись гласила: «Лизонька. 1997 год».

– Значит, дочка у старика померла. Давай вычислять ее сынка. Должен же он присутствовать на похоронах собственной матери. Вон дед и бабка Заботины, вот мужик убивается – муж этой Лизоньки, наверное.

Они безуспешно пытались понять, кто из присутствующих Митька, внук Заботина, но так и не пришли к соглашению.

– Делаем так, – распорядился Турецкий, – набираем фотографии всех, кто более или менее похож на членов этой семьи, и сдаем на экспертизу. Что мы мучаемся?

– Действительно, – согласился с ним Агеев. От чужих лиц у него уже рябило в глазах. – Знаешь, о чем я подумал? Почему бабка не забрала альбом с собой, когда развелась с дедом? У нее-то хоть порядок был бы, она не стала б так сваливать в кучу. Все-таки история семьи.

– Если только это Митька не развел такой бардак.

Агеев сдвинул брови, задумался. Потом изрек:

– А ведь это тоже версия... Митька мог бы, конечно, альбом выкинуть или сжечь... Но мог просто вытащить несколько своих последних фотографий. Если, конечно, решил замести следы.

– Нужно разыскать Сергея Степановича Заботина и его жену. Выяснить, была ли замужем Лиза. И чей сын Митька. И вообще, где он прописан.

– Все завтра. Уже восьмой час, поздно, – взглянул на часы Агеев. – У меня сегодня междусобойчик с дружбанами, хочу рыбки купить по дороге. Пивко они закупают.

– Ладно, пройдемся только по соседям. Может, кто-то знает этого Митьку.

Еще не все соседи вернулись с работы домой. Но из тех счастливицов, кто уже приступил к активному домашнему отдыху – готовил ужин, проверял уроки у детей-школьников, просто сидел у телевизора, не нашлось ни одного равнодушного. Деда Заботина в подъезде знали хорошо. Он был стариком активным. Много и добрых, и осуждающих слов слышали о нем сыщики. Хвалили его за то, что только благодаря ему во дворе сохранилась детская площадка, хотя на нее претендовали сразу несколько захватчиков. Замечательный скверик между домами тоже появился благодаря ему. Ругали те, с кем он успел схлестнуться и показать свой недобрый нрав.

– Заботин – боевой старик, – подытожил здоровый пузатый парень. – Жаль, что он умер. Мне казалось, что он будет жить вечно.

– А внука его вы знали?

Внука видели многие соседи. Он приходил к деду всегда с сумками. Видно, что носил старичку продукты. Но фамилию Мити не знал никто. Впрочем, о конфликтах между дедом и внуком тоже никто не упоминал. Получалось – внук заботился о деде.

– Прямо образцово-показательный этот Митька. За что ж его невзлюбила старушка из Совета ветеранов?

– Может, дед никому не жаловался, только ей, – предположил Агеев, который уже сильно запаздывал к своим друзьям. В последней квартире на их звонок дверь не открыли. – Пора и по домам.

– Сильно не напивайся, – Турецкий на прощание добродушно похлопал Филиппа по плечу.

Агеев ухмыльнулся.

– С пива я никогда не напиваюсь. Будь спок!

Турецкий остановился на красный свет и, пока стоял у светофора, глазел по сторонам. На маленькой площади у метро раскинулся скромный рынок. Бабульки торговали зеленью, девушка лет четырнадцати со скучающим видом стояла над корзиной с крупными полевыми ромашками. Турецкий дождался зеленого света и вместо того, чтобы ехать дальше, повернул направо и припарковался, тесно прижавшись к тротуару. Вернулся к рынку и купил охапку ромашек. Их аромат напомнил, что на свете существуют поля и луга, леса и реки, и что пора бы выбраться на природу. Хоть на пару часов. Надо предложить Ирке. Он тут же подумал, что можно поехать на природу и с Алей. Какая жалость, что многоженство в нашей вполне толерантной стране не одобряется. А то бы можно было поехать всей компанией. Кстати, а кому он купил этот роскошный букет? Турецкий сел в машину и подумал, что Ире в последнее время он уделяет недостаточно времени. Посему, чтобы восстановить справедливость, букет нужно вручить именно ей. Как приз за долгое терпение.

Дома разгоряченная Ирина металась у плиты, где на всех четырех конфорках что-то жарилось и кипело.

– Привет, моя дражайшая, – подкравшись, Турецкий поцеловал ее в щеку. – Все хлопчешь?

– Ой! – вскрикнула от неожиданности Ирина. – Напугал! В следующий раз предупреждай громким топанием о своем приближении.

Турецкий вынул из-за спины букет и торжественно протянул его Ирине. При этом он опустился на одно колено и смиренно опустил голову.

– Ой! Опять напугал! – Ирина взяла букет и подозрительно спросила: – Ничего не случилось? Ты ничего не натворил? И поза у тебя какая-то виноватая...

Турецкий поднял на нее смеющиеся глаза.

– Ничего, дорогая. Я просто демонстрирую смиренное почтение и вечную супружескую любовь.

– А, это... – с облегчением произнесла Ирина. – А я-то уже всякие ужасы подумала.

– Какие?

– Да всякую чушь. Что ты полюбил другую и принес мне отступные в виде букета.

Турецкий поднялся и картинно протянул к ней обе руки, глядя честно и открыто, как самый наичестнейший муж.

– Действительно, какая только чушь не посещает эту прекрасную головку!

И тут же сменил тему.

– Ну, к чему мы так готовимся? У нас гости?

– Катя придет, хочет представить нам своего жениха Гошу.

– А, так он все-таки существует, этот легендарный Гоша? А я, честно говоря, считал, что это плод ее буйной фантазии.

– Почему? – удивилась Ирина. – Он есть. Просто человек занятой, к тому же не любитель ходить по гостям. Она его едва уговорила.

– Ладно, пускай приходят. Нужно оценить его и вынести свой вердикт. А то женщина, которая долгие годы ищет пару, иногда бросается на первого встречного только потому, что он обратил на нее внимание. Главное, чтобы она сгоряча дров не наломала.

– Катя не дура, – обиделась за подругу Ирина. – Просто ей долго не везло.

– Я бы не сказал. Мужики ей попадались неплохие. Просто она не умеет ими разумно распорядиться. Вот наш патолог Теодозий Иванович. Чем он был плох? Ну худоват немного. Так подкормила бы его. Не слишком разговорчив – так это хорошо. Можно самой говорить беспрестанно, никто не остановит, чтобы слово вставить. А ведь она ему явно нравилась. Да и он ей – так мне казалось. Не зря же она к нему ходила на вскрытие, как на свидание.

– Хотела произвести впечатление. А потом встретила Олега, он ей показался поинтереснее.

– А Олег от нее быстро умотал. Потому что был не ее человеком. Вот оно – легкомыслие женщин. Что имеем – не храним, потерявши – плачем.

– Не плакала она вовсе, – вступилась за Катю Ирина, а сама тем временем перемешивала на сковородке какое-то крошево, щедро поливая его винным уксусом.

Турецкий закашлялся.

– Уйду подобра-поздорову, а то еще отравлюсь от этих испарений. Надеюсь, на вкус это блюдо будет лучше, чем на запах.

Турецкий повернулся, и Ирина, чихнув несколько раз подряд, объяснила:

– Иорданское блюдо, Ольга по телефону рецепт дала. Они неделю назад из Иордании вернулись, у тамошнего повара рецепт взяла. Говорит, уже проверяла, очень вкусно.

– Ну, раз Ольга осталась жива, значит, и мне ничего не грозит.

Турецкий включил телевизор и уселся на диван. В передаче о чрезвычайных происшествиях услышал последнюю фразу. «Это уже третий случай за последнее время на воде. Просим всех граждан проявить бдительность, а женщинам не купаться в одиночку».

Турецкий набрал телефон Никиты. Тот ответил не сразу.

– Извини, старик, душ принимал. Пока добежал до телефона...

– Только что по телевизору передавали о трупe женщины, той самой.

– Да знаю, я дверь в комнату оставил открытой, видел.

– Ну что вы узнали? Есть подвижки?

– Есть. На одной лодочной станции узнали и лодку, и женщину. Но кто с ней был, не запомнили. Говорят – невыразительная личность, в отличие от нее.

– Свидетелей не нашли?

– Какие свидетели? Все отдыхающие. Кто там был, уже давно разъехались.

– А кто же узнал женщину?

– Кассир узнала, они билеты у нее покупали. И еще узнал ее по фотографии парень, который выдает лодки. Да, он еще запомнил, что тип с ней был с гитарой.

– Описать ее спутника смог?

– Крайне скупо. Человек среднего роста, лет тридцати пяти – сорока. Он даже не вспомнил цвет волос и глаз. Сказал, такое обычное лицо, ничего в нем запоминающегося. Ни усов, ни бородавки, ни родимого пятна, ни шрамов.

– А гитару запомнил.

– Как ни странно, да. Почему-то обратил на нее внимание. Может, потому, что сейчас мало кто с гитарами ходит. Музыканты их обычно носят в чехлах или футлярах. А эта довольно старая, светлая.

– И все?

– Все.

– Уже что-то... Медэкспертизу провели? Что вскрытие показало?

– Подтвердилось, что убийца ее изнасиловал. Смерть наступила от удушения. И у нас есть его ДНК. В ближайшее время эксперты обещали проверить его ДНК в базе данных судимых. На одежде жертвы обнаружены волокна его одежды. Медэксперт считает, что ее задушили гитарной струной. Из раны извлекли микрочастицы вещества, из которого делают струны.

– А вы много сделали! – приятно удивился Турецкий. – Как вам удалось так быстро провести экспертизу по определению вещества?

Никита довольно хмыкнул.

– Так я на тебя сослался. Сказал, что самый знаменитый сыщик генерал Турецкий заинтересован в быстрой экспертизе. Показал твою фотографию – на фоне лодки с убитой. Наш фотограф тебя зафиксировал для истории.

– Хитрецы, – покачал головой Турецкий. – Оказывается, мое имя работает лучше в отрыве от меня. Бывало, когда я лично просил ускорить экспертизу, не всегда удавалось.

– Вести себя надо понахальнее, – посоветовал Никита. – Забыл, что ли, наглость – второе счастье. Я всегда так веду себя с экспертами. Помогает!

Турецкий подумал, что, невзирая на положительные результаты наглого поведения Никиты, его отношение к бывшему однокашнику не изменилось.

– Убийца задушил ее струной, – вернулся к теме разговора Турецкий, – а вот потом снял петлю с шеи. Зачем, интересно? Он что, каждый раз так делал?

– Да, ни разу не оставил. То ли считал, что успешно замечает следы, то ли, блин, экономный. Оставлял на следующий раз. Я тоже не вижу никакой логики.

– Но она все-таки есть. Иначе он не стал бы трижды проделывать одно и то же.

Турецкий услышал звонок в дверь.

– Ну, успехов тебе. А я пойду открывать дверь, у нас гости.

Из кухни донесся голос Ирины.

– Шурик, я не могу отойти, у меня тут все горит!

– Я открою!

Турецкий распахнул дверь и прикрыл глаза рукой, словно ослепленный.

– Мадам, вы прекрасны! – воскликнул он, и Катя радостно рассмеялась. Она действительно долго чепурилась у зеркала, готовясь к встрече с друзьями, но главное, и Турецкий это понял, чтобы потрясти своего жениха. Рядом с ней стоял мужчина – вполне приличный на вид, что уже радовало. То есть руки-ноги на месте, голова большая, небось – умный. Глаза прищуренные – к жизни внимательный. Нос крупный, значит, и в любви удалец. Во всяком случае от женщин Турецкий не раз слышал такой неожиданный вывод относительно оценки размера мужского носа.

– Георгий, – подал руку вошедший.

И рука у него была крепкая и сухая, шершавая на ощупь, будто он занимался физическим трудом.

Ирина уже сбросила фартук и выскочила в коридор встречать гостей. Турецкий по выражению ее лица понял, что новый избранник Кати ей симпатичен.

Дальше все проходило, как обычно – возлияние, закуска обычная, а после нее дегустация нового блюда, настолько острого, что рот горел, и все едва успевали запивать огненную еду минеральной водой и вытирать слезы, непроизвольно струящиеся из глаз.

– У твоей Ольги гастрит, – заметил Турецкий, – как же она ест такую острую еду?

– Может, я переборщила с приправами? – сама удивлялась Ирина.

Георгий все помалкивал, говорил скупой. Понять, чем он занимается, было трудно. Но не зря Турецкому за свою жизнь пришлось провести тысячи допросов. Через час, добывая из скупой информации Гоши факты, Турецкий понял, что мужик продвигается по жизни скачками – от одной работы к другой, каждый раз более оплачиваемой. В данный момент

он занимался поставкой дикого камня в Москву. И не откуда-нибудь, а из самой Италии. Сначала стеснясь и скрытничая, он под влиянием отличного вина разговорился и убеждал всех присутствующих, что его работа и полезна, и прибыльна. Полезна для заказчиков – из дикого камня нынешние богатеи стали не только оформлять свои угодья, но и облицовывать дома, на манер старинных замков Европы. И чем больше камня им нужно, тем выше прибыль Гоши. Поэтому мимоходом он написал и издал красочную книгу «Дом-замок на русских просторах». Все иллюстрации подбирал сам – что из Интернета, что из своих многочисленных поездок. Весь первый тираж разошелся быстро, он даже не ожидал. Готовит к переизданию дополненное и расширенное издание.

Катя явно гордилась женихом, и глаза ее лучились от счастья. Нет привлекательнее зрелища, чем счастливая женщина, – сделал вывод Турецкий. В кармане тихо загудел телефон, пришло сообщение. Турецкий вышел на кухню якобы за хлебом и прочитал текст: «Любимый, хоть ты и не со мной, все равно пью за твое здоровье». У Турецкого сразу упало настроение. Он очень не любил, когда Алька пила без него. Потому что знал – одна она пить не любила. В лучшем случае вместе с подружкой. А если рядом дружок? О своей жизни вне работы она распространялась мало, иногда выдавая кокетливым голосом какую-нибудь малоприятную крупницу информации из своей частной жизни. То о каком-то бывшем однокурснике, который не теряет надежды получить ее в жены, то о бывшем коллеге – молодом оперативнике с квартирой в центре, то о некоем господине Лорее, французе, с которым ее связывала тесная дружба еще со времен работы на прежнем месте. Якобы ее прикрепили к нему переводчиком, когда он на короткое время приехал в Россию, в военную прокуратуру по обмену опытом. Турецкий подозревал, что со всеми поклонниками у Альки были слишком тесные отношения, но она хоть и отрицала сей факт, глаза ее хитро поблескивали. Турецкий ревновал, и Алька заверяла, что для нее существует только он. Хотелось бы верить, но разница в возрасте между ним и Алькой двадцать шесть лет... Он, конечно, уверен в себе как мужчина, но черт знает этих молоденьких женщин, может, им мало одного мужика...

Турецкий ничего не ответил на ее сообщение и, помрачневший, вернулся в комнату.

– А хлеб? – спросила Ирина удивленно.

– А я его не нашел, наверное, его уже нет, – нагло соврал Турецкий.

– Нет нарезанного, – уточнила Ирина.

– Пойду нарежу, – Турецкий опять пошел на кухню и, пользуясь моментом, послал сообщение Альке: «Не напивайся. А то убью». Пока нарезал хлеб, пришел коротенький ответ, состоящий всего из одного слова: «Ха!»

– Вот нахалка, еще и насмехается, – подумал Турецкий и принялся укладывать хлеб красиво, то есть стройными рядами.

– Куда так много? – удивилась Ирина, когда он вернулся с хлебницей в комнату.

– Кате дадим на дорогу, – мрачно пошутил Турецкий.

Гоша тем временем расписывал дивные качества дикого камня из последней партии. Он откровенно проводил рекламную кампанию, и Турецкий затосковал, хотя дамы слушали докладчика с интересом.

– А что, Кать, давай у тебя на даче дом обложим таким камнем. Будет маленький, совсем крохотный замок, прямо игрушечка! – предложила Ирина. – Гоша тебе скидку делает.

– Я лучше за него замуж сначала пойду. Тогда мне этот камень даром достанется, – заявила практичная Катя.

Гоша смущенно хихикнул. Видимо, дармовая раздача камня в его коммерческие планы не входила. Даже в качестве подарка невесте на свадьбу.

Гости к иорданской еде больше не прикоснулись, зато подмели все остальное. Турецкий подумал, содрогнувшись, что придется доедать ему это жгучее блюдо завтра. Потому

что Ирина обычно после ухода гостей принципиально ничего не готовила дня два. Считала, что нужно доедать то, что осталось. На дворе экономический кризис. Нечего разбазаривать деньги и еду. И ее труд тоже.

– Ну как тебе Гоша? – спросила она у Турецкого, когда гости ушли.

Но ответить он не успел. Зазвонил телефон. Голованов сообщил, что эксперты обнаружили в гречневой каше нитроглицерин в таком объеме, что можно было бы свалить слона, не то что старенького ветерана.

– А что сказал патолог?

– Он даст ответ только завтра.

– И так понятно, что эксперт найдет в желудке старика. Траванули дедушку. А родственницу старика Заботина в Митине нашли?

– Нашли, но уже покойницу. Бабушку убили, а потом злодеи устроили поджог, чтобы замести следы.

– Ничего себе! И когда же старушку убили?

– Два дня назад, как и деда.

– Так, может, это внук решил одним махом от престарелых родственников избавиться?

День смерти устроил?

– Подозревать больше некого. И у деда, и у бабки он в тот день был – соседи видели. Правда, к бабке уже с компанией пришел. Они там гуляли – соседка музыку слышала.

– А как убивал, не слышала?

– Нет. Зато потом учуяла запах дыма, вызвала пожарных.

– Значит, и менты на месте побывали, а потом и Щербак. Он видел отчет ментов?

– Успел съездить в морг, но эксперты подготовят отчет к завтрашнему дню. Пока известно, что старушке нанесли восемь ножевых ударов, от чего она и скончалась. А к ментам он пойдет с утра. У них там какое-то мероприятие, проверка, все на ушах стоят. Дежурный сказал Николаю – не до нас. Сам знаешь, как они относятся к сыщикам из частных агентств. Считают, мы тут миллионы загребаем. Кстати, Николай сообщил, что Дмитрий – сын дочери Заботина. Осталось узнать ее фамилию по мужу... Как прошел прием? – как ни в чем не бывало спросил Голованов.

Сева был в курсе, что подруга семейства Турецких собирается замуж и нынче представляла жениха Турецким, будто они ей были ближайшие родственники. Свои-то, родные, у Кати жили в Томске, ехать туда слишком дорогое удовольствие.

– Катке и Ирише жених нравится, а мне не очень. Какой-то скользкий тип. Как говаривала моя мама – продувной. Хитрый, расчетливый и, по-моему, жадноватый.

– Ну не тебе же с ним жить. Но я бы предупредил Катерину.

– Еще обидится...

– А ты действуй тонко, приведи ей в пример народную мудрость: перед замужеством смотри на жениха в оба глаза. А уж когда вышла – закрой глаза на все недостатки. Залог счастливого брака!

– Ну, Сева, ты, оказывается, специалист по счастливым бракам!

– Моя двоюродная сестра юрист по разводам. Вот где, я тебе скажу, человеческие страсти кипят! Рассказывала недавно – одна семья имущество делила, так жена себе почти все оттяпала! А не работала ни дня!

– Наверное, детей воспитывала...

– Ну и что? Подумаешь – большой труд! – со знанием дела парировал Голованов, у которого своих детей не было.

Турецкому не хотелось спорить, насколько это тяжелый труд, да бывает еще что и неблагодарный. Никогда не знаешь, что вырастет. Хотя ему лично грех жаловаться – их доченька Ниночка выросла хорошим человеком.

– Ладно, Сева, не будем на ночь о плохом. Давай о хорошем.

– И что же у нас хорошего? – без особого энтузиазма поинтересовался Голованов.

– Нашли пропавшего ветерана – раз. Установили причину смерти – два. Нашли его ближайшую родственницу – три. Правда, ближайшая – не значит кровная, но зато бывшая жена – почти что родственница.

– Да? – в голосе Голованова прозвучало сомнение.

– Естественно, у них же дети общие. Мы даже знаем их имена. Что тоже хорошо.

– Только плохо, что ближайшая родственница по странному стечению обстоятельств тоже сыграла в ящик.

– Согласен. Но квартира не выгорела, и если хорошо пошарить, может, хоть там мы найдем какие-нибудь следы Дмитрия. Тогда на этой оптимистической ноте и закончим. А то как начнем перечислять, сколько осталось неизвестного...

– Не надо! – твердо оборвал его Голованов. – Мы ж решили закончить на оптимистической ноте.

Турецкий по голосу почувствовал, что настроение у Голованова не ахти. Но он так устал за день, что ему теперь хотелось одного – лечь скорее в постель.

Ира гремела на кухне посудой. Хорошо бы ей помочь, но только не сегодня.

4

На следующее утро Турецкий в бодром настроении сбегал по лестнице и ощутил в заднем кармане джинсов назойливую вибрацию мобильного телефона. Звонил Агеев.

– Саша, ты сейчас куда?

– Я думаю еще раз наведаться в квартиру Заботина. А то мы вчера закопались в этих фотографиях. Меня не покидает чувство, что мы что-то пропустили. Кстати, Демидов тебе не звонил?

– Какое там звонил! Он же провожал Шихтера в четыре утра. Пока проводил, пока вернулся... Спит, небось, без задних ног. Пускай отсыпается. И сами справимся.

– Тогда езжай к экспертам. Отвези фотографии на экспертизу. Потом узнай, проверили ли в базе данных «пальчики», которые мы наснимали у Заботина. Может, внук Заботина действительно отбывал срок. Мне Щербак звонил спозаранку. Сказал – соседка вспомнила, что видела наколку на руке этого Мити. Кстати, а почему мы его так называем? Здоровый мужик, а он у нас все Митя.

– Потому что бабуля из Совета ветеранов нам сказала – внук Митя.

– С этой минуты он Дмитрий.

– А что за татуировка?

– Жук какой-то – сказала. Думаю, скарабей. Тогда он действительно сидел, если не понтуетя.

– А к бабуле из Совета ветеранов не зарулишь?

– Собираюсь. Хочу поподробнее о внуке Заботина расспросить. Вчера как-то не очень удобно было. Она так за ветерана переживала. Да еще эта квартирка с запахом. Как только выдержала... Да, забеги к медэксперту. Конечно, надежды мало, но вдруг он уже сделал вскрытие. Ну ладно, – Турецкий уже подошел к машине и снял ее с сигнализации. – Будем на связи.

В квартире Заботина, несмотря на открытые окна, запах все еще не выветрился. Турецкий прежде всего уселся на диван и, стараясь не касаться затылком жирных пятен на обоях, стал раздумывать, где же ветеран мог хранить деньги. Не на антресолях, конечно. Хоть он и борец за права трудящихся, и деятельный, и самостоятельный, взобраться по лестнице под потолок не мог в силу своей старческой слабости. Скорее всего, он держал деньги в какой-то коробке или ящике. Вчера они с Агеевым уже порылись в традиционных местах, где обычно прячут деньги. В бельевом шкафу, хотя все знают, что воры первым делом шарят между бельем. Потом в крупе. Заглядывали в холодильник, в морозилку. Перетрясли книги, которых в доме было немного.

Он поднял ковер и простучал паркет, прощупал пространство под шкафами – все напрасно. Уже в прихожей на обувной полке увидел щетку и баночки с кремом для чистки обуви. Еще вчера он обратил внимание на то, что все это добро уместнее было бы хранить в коробке, а не на ее крышке. Но общий беспорядок в доме примирил его с этой странностью. Для очистки совести он снял крышку и заглянул в коробку. Пусто. На дне – скомканный клочок бумаги. Он развернул ее и увидел столбик цифр, которые перечеркивались по мере того, как под ними появлялись дополнительные цифры. В последней строке стояла корявая надпись – 250 000. Турецкий понюхал коробку. Пахло деньгами. В буквальном смысле слова.

В агентстве «Глория» он застал картину, которая одновременно заинтриговала его и позабавила. У экрана монитора рядом с Максом сидел Агеев и зачарованно наблюдал за действиями компьютерного гения. Отобранные накануне фотографии семейства Заботиных уже находились на экране монитора. Бородатый Макс с вдохновенным видом нажимал на клавиши, словно колдуя над фотографиями, отчего они менялись на глазах. Десятилетний

мальчик мужал и постепенно приобретал черты взрослого человека. Наконец, Макс откинулся на спинку стула, любуясь творением своих рук, как маститый художник.

– Ну вот так он теперь навскидку выглядит... – скромно заключил он.

С возрастом у десятилетнего Мити нос стал абсолютно дедовским, хищным, небольшие, близко поставленные глаза смотрели обиженно и недовольно.

– Он что, такой же капризный, как в детстве? – удивился Филипп.

– Вряд ли это постоянное выражение его лица. Но я не стал менять. Только придал ему возрастные изменения. Вам же это нужно?

– Это... А волосы у него какие?

– Темнее, чем в детстве. Но это уже не суть важно. Важен общий облик. По этой фотографии Дмитрия узнают все, кто его видел.

– А теперь посмотри на похоронную фотографию, – попросил Агеев. – Где его мать хоронят. Хочу узнать, есть ли Дмитрий среди этих людей.

Макс увеличил фотографию и стал производить какие-то замеры, расчеты, укрупняя лица мужчин, которые столпились у гроба.

– Его здесь нет, – сказал он наконец.

– Сына нет на похоронах матери? – не поверил Турецкий.

– Может, это он фотографировал, – предположил Агеев.

– Такого быть не может, – возразил Макс. – Родственники своих умерших родных не снимают. Для этого нанимают профессиональных фотографов.

– Тогда почему он не приехал на похороны?

– Потому что не мог. Наверное, был слишком далеко, – высказал свое предположение Макс.

– Или сидел... – задумчиво произнес Агеев. – Макс, распечатай нам фотографию обиженного Дмитрия. Фамилию его матери не узнал еще?

– Сейчас займусь, при условии, что кто-то из вас сделает мне кофе.

Агеев пошел к кофемашине, которой совсем недавно разжились вскладчину сыщики. Пока он загружал программу, Турецкий похвастался обувной коробкой.

– Видал, что принес?

– Туфли? Коробка нефирменная, что это тебя на дешевку потянуло? – подколот его Агеев.

– В жизни не угадаешь. Это тайник нашего старикана.

– Да ты что? И в нем клад?

– Клад уплыл, но деньги точно хранились в коробке. Вот доказательство – старик вел учет поступлениям. А тот, кто спер деньги, бумажку скомкал и оставил за ненадобностью. Запах денег в коробке стопроцентно. Сейчас отвезу ее на экспертизу.

– А как теперь с нашей зарплатой? – обиженно спросил Агеев, наблюдая за процессом наполнения чашки горячей шоколадной жидкостью.

– Теперь у нас тем более есть стимул найти вора, – с некоторым злорадством в голосе ответил Турецкий.

– На твоём месте я бы не ехидничал, – огрызнулся Агеев. – Не одному мне нужны деньги.

В районном отделении милиции следователь, которому поручили вести дело по убийству Заботиной, встретил предложение Николая Щербака с недоверием. Он даже высказал его в самой прямой форме.

– А зачем вам дело? Я, в принципе, не против передать его в руки сыскарей, у нас и так работы навалом. Просто мне хотелось бы знать причину.

– Нет ли моего личного интереса? – улыбнулся Николай. – Да ни капельки. Просто со вчерашнего дня мы расследуем убийство бывшего мужа Заботиной.

– Гражданка Заботина была в квартире прописана одна!
– И старикан был прописан один, да еще в другом районе. Они уже пять лет в разводе. Дело в том, что их посещал внук. Такой примерный родственник – таскал деду продукты, вежливо здоровался с соседями, многие его знали в лицо. А тут покормил дедулю кашкой – и тот откинул тапочки.

– Травонул?

– Именно.

– Вчера?

– Три дня назад. Дед лежал дома, пока его не хватились в Совете ветеранов.

– Бабку Заботину тоже три дня назад убили. На ее теле обнаружили восемь ножевых ранений. Потом злодеи подожгли квартиру, надеялись, что она выгорит и огонь скроет следы преступления. Значит, этот внук решил грохнуть своих родных одним махом? А мотив какой? Чем они ему так насолили?

– Скорее всего, решил их ограбить. И сейчас нам найти бы этого внука. Потому что все знают его имя, но никто фамилию. Да и где он живет, тоже неизвестно.

– А в базе данных смотрели? Фотка у вас есть?

– Фотка есть. Сейчас наш сотрудник над этим работает. А мне бы пока медицинское заключение, акт с места преступления и ключ от квартиры. Вы из квартиры Заботиной что-нибудь изымали, помимо улики по убийству?

– Нет, собирались это сделать на следующий день. Квартиру опечатали. Так что все ваше. Пишите акт приема. Все передаю в целости и сохранности, – повеселевший следователь передал папку и ключ от квартиры.

В тощенькой папке лежали несколько бумаг: описание места преступления, перечень вещественных доказательств, к которым относилась только окровавленная одежда старушки и ее постельные принадлежности, фотоснимки жертвы в разных ракурсах. Щербак и не надеялся, что на следующий день после изучения места преступления будут готовы результаты экспертиз, поэтому отправился к дому Заботиной.

Когда Николай уже зашел в квартиру Заботиной, зазвонил мобильный.

Демидов жизнерадостным и счастливым голосом возвестил, что уже отдохнул и готов приехать на помощь.

– Диктуй адрес. Так соскучился по настоящему делу! – его бас рокотал в самое ухо, и Щербак непроизвольно отстранил трубку, спасая свою барабанную перепонку.

– Давай, приезжай. Лишние руки и мозг никогда не помешают.

Щербака еще и разбирало любопытство, хотелось узнать, каково быть охранником у иностранного капиталиста.

А пока приходилось дышать гарью и только радоваться, что комната не выгорела. Мебель по стенам совсем не пострадала, только посредине комнаты лежала куча обгорелого тряпья и прогорели полы. Вещи в комнате были разбросаны, и теперь уже трудно было понять – то ли грабители что-то искали, то ли опергруппа проводила обыск. Пол затоптан, доски вспучились, это уже результаты профессиональной деятельности пожарных.

Николай не особо печалился, что со следами на полу теперь полная неразбериха. Районные менты свое дело уже сделали, нужно только дождаться результатов экспертизы. А вот порыться в домашнем архиве у него времени было предостаточно.

Пока Демидов добирался в Митино, Щербак рылся в бумагах старушки. Турецкий ему уже успел пожаловаться на полный кавардак в документах деда Заботина. У бабули с этим было все в порядке. В ее альбоме семейных фотографий соблюдалась идеальная хронология. Под каждой фотографией стояли имя и год съемки, некоторые сопровождались ностальгическими надписями, выведенными каллиграфическим почерком. Например: «Моя лапулечка» или «О, как мы были счастливы». Или «Незабываемые дни». Он нашел фотографию

дочери Заботиной с ее новоиспеченным мужем. Но вот беда – фамилия мужа не значилась. На одной из страниц альбома на него смотрело мужское лицо – осунувшееся, с хищным носом и довольно злыми глазами. Под фотографией стояла надпись драматического содержания: «Митенька, что с тобой стало?»

Щербак вытащил фотографию из альбома и отложил в сторону. Подошел к комоду. На полу под ящичком, который кто-то выдвинул, да так и не задвинул обратно, валялась синяя лакированная сумочка, такая старая, что ее предназначение сразу стало понятным. Из нее высовывались пожелтевшие бумаги – старые облигации, квитанции и прочие бумаги, которые старые люди обычно хранят как память.

В дверь позвонил Демидов, и Щербак обрадовался другу, словно они не виделись целый век.

– Шаришь? – спросил Владимир, едва переступив порог комнаты.

– Глаз – ватерпас, – похвалил его за наблюдательность Щербак.

– Какая у нас задача номер один?

– Найти какие-нибудь документы, или справки, или любую хрень, чтобы выяснить фамилию внука Заботиных.

– Да, жаль, что в паспорта стариков не вписывают их детей и внуков. Скольким бы следователям это облегчило жизнь, – сокрушенно заявил Демидов. – Документы у нее только в этом ридикюльчике?

– Посмотри в буфете, я там еще не рылся.

Оба зашелестели бумагами.

– Ну как твой Шихтер? – не сдержал своего любопытства Щербак.

– Ну его на фиг. Дай хоть денек о нем не вспоминать, – попросил Демидов. – Ты не представляешь, что такое опекать взрослого мужика сутки напролет. За ним глаз да глаз нужен. То его дверцей такси прищемило, то в метро вздумал прокатиться – турникет его прихлопнул. Он мне свои синяки каждый день показывал... То объелся в ресторане и из туалета не вылезал. Пришлось на один день переговоры перенести. Я с ним нянчился целый день, утешал. А его экскурсии на Красную площадь каждый божий день?

– А что он повадился? – удивился Николай. – Я понимаю – день, два, но всю неделю!

– Говорит – ничего не видел красивее. Наша Красная площадь – самая прекрасная площадь в мире. У него настроение поднималось, когда он встречал утро, устремляя свой взор на собор Василия Блаженного. Я ему, правда, сказал, что на Лобном месте головы отсекали во времена Ивана Грозного. А он мне в ответ – у каждого народа есть свои кровавые страницы истории.

– Он что – историк? Вроде ты говорил – бизнесмен.

– Историк-любитель. Пристыдил меня. Он нашу историю лучше меня знает. Сказал, что про отсечение голов – брехня. Я потом специально звонил одному историку – действительно выдумки.

– Да? – удивился Щербак. – А я думал – правда!

– А какая же мука была общаться с Шихтером! Мой английский знаешь же какой хреновый...

– А почему он переводчика не взял?

– Потому что жмотяра. На переговорах переводчик был с русской стороны, халявный. Так что бизнес Шихтера не страдал. В смысле, я его с помощью своего английского провалить не мог. А в остальное время ему достаточно было моего английского. А я слова путаю. Он ржет, собака... Я перепутал слова «лайбрэри» с «лэвэтэри». Он как загогочет, ну чистый конь.

– «Лайбрэри» вроде библиотека. А второе слово какое?

– «Лэвэтэри» – туалет, блин. Он спросил про наш Политехнический музей. Ну я слово «музей» знал. Потом вспомнил, что там еще и библиотека. Думаю, дай блесну, пускай знает, что у нас политехническая библиотека в таком шикарном здании. И перепутал слова. Говорю: «Зис ис политэксникал лэвэтэри». Он как заржет! Потом раз десять за день повторял и ржал. Опозорился я, одним словом. А что это я о нем заговорил? – спохватился Демидов. – Ведь слово себе дал – хоть один день не вспоминать Шихтера.

– Ну, извини, любопытно все-таки, – Щербак, посмеиваясь, вернулся к архиву Зинаиды Михайловны.

– Все равно ведь достанете расспросами. Потом расскажу, – махнул рукой Демидов. И как бы в продолжение темы, не меняя тона, обыденным голосом сказал: – Письма Клесова Дмитрия Викторовича из зоны родной бабушке Заботиной.

– Что? – Щербак, который уже удобно расположился в кресле, перебирая бумажки, вскочил.

– Говорю – сидел бабкин внук. И фамилия его Клесов. Вон пишет, чтобы прислала ему денег отовариться в магазинчике. Обещает – по гроб жизни не забудет. Дорогой бабулей называет...

– Насчет гроба не соврал. Загнал собственноручно, – подтвердил Щербак слова Клесова Дмитрия. – Восемь ножевых ранений на теле старушки обнаружили.

– Скотина!.. – выругался Демидов.

Он разложил на столе тощенькую стопку писем, прихлопнул их рукой.

– В каждом письме просьба прислать деньги. Написаны, как под копирку.

Щербак открыл деревянную шкатулку, на которой стояла фигурка пластмассового ангела. Достал пачечку корешков от переводов.

– А вот и отрывные талоны к переводам на имя Клесова. Она из пенсии выкраивала, а внук приехал и убил благодетельницу.

– Скотина! – повторил Демидов. – Смотри, он еще и в Липецке ошивался. Открытку ей прислал.

– Поздравительную?

– Денег просил.

– За что ж такого урода любить? – возмутился Щербак.

– За то, что кровь родная. И адреса обратного нет. Просил прислать «до востребования».

Демидов вытащил целлофановый пакет с документами.

– Смотри, свидетельство о смерти Клесовой Елизаветы Степановны, матери Дмитрия.

Щербак посмотрел на дату.

– Позвоню Турецкому. У них фотография с похорон матери Клесова. Там дата тоже указана.

– А вот свидетельство о смерти Клесова Виктора Николаевича, отца Дмитрия.

– Ну, вот все и сложилось. На конвертах с письмами дорогой бабуле, которые надписывал Клесов, его отчество – Викторович.

Он набрал номер, и пока Демидов продолжал изучать семейный архив старушки, Щербак сообщал Турецкому о находке.

– Саша, фамилия Дмитрия – Клесов. Мы нашли его письма из зоны. Вот тебе причина – почему он не был на похоронах матери. Сидел в это время. Есть и свидетельство о смерти его матери. Она по мужу Клесова. И свидетельство о смерти папаши злодея – он Клесов Виктор Николаевич.

– Слушай, а мы с вами работаем в унисон. Только что получили информацию из базы данных о судимых, что внук Заботина отбывал срок за грабеж. «Пальчики» его засветились.

Но похоже, кроме него дед к себе никого не пускал. Потому что каких-либо других отпечатков пальцев не обнаружено. Отпечатки следов на полу тоже принадлежат Дмитрию.

– А это откуда известно?

– Мы ведь вчера изъяли тапочки из прихожей в квартире деда. Эксперты сравнили с отпечатками на полу – полное совпадение. Сейчас они работают над выделением ДНК из потожировых следов на тапочках. А Макс не отрывается от компьютера. Разыскивает его дядьку – Заботина Сергея Степановича. В Москве он не живет. Сейчас загрузил данные Дмитрия Клесова, ищет его адрес. Пора нам посетить его берлогу.

– Клесов прислал бабке открытку из Липецка, просил денег. Значит, он там был какое-то время. Может, его дядька там живет?

– Попробуем узнать. Кстати, пришел ответ от патолога по деду Заботину. Вскрытие показало, что его действительно отравили кашей. Там нитроглицерина – море. И как старик ее ел? У него что, невосприимчивость к вкусу пищи?

– Такое бывает. А если к этому добавляется отсутствие обоняния, можно есть тухлятину и даже не чувствовать ее запаха. Я одну такую старушку знаю. На каждой кастрюльке наклейку лепит, когда готовит. Чтобы не промахнуться и не отравиться.

– Сколько удовольствия человек теряет, – пожалел несчастную Турецкий.

– А мотив убийства?

– А теперь о мотиве. Поскольку квартира внуку в наследство не светила, так как Заботин ее не приватизировал, он убил деда, чтобы ограбить его. Двести пятьдесят тысяч неплохой улов.

– Получается, он только перед ограблением узнал, где дед хранит деньги? Мог ведь и раньше ограбить.

– А раньше он у него просто таскал из коробки. На ней есть и старые, и свежие следы Клесова.

– А что показала экспертиза микрочастиц содержимого коробки, которую ты нашел у деда?

– Результат экспертизы еще не получен, но я уверен, что там хранились деньги. Иного объяснения записям на бумажке я не вижу. И кроме того – хочешь верь, хочешь не верь, но запах денег в коробке очень устойчивый.

– Ладно, эксперты проведут и запаховую экспертизу. Но если Заботин, судя по записям, вел учет своим поступлениям, то не мог не видеть, что внук его грабит. Что ж он его в дом продолжал пускать?

– А вот это и мне непонятно. Как и то, почему внук так долго ждал, чтобы убить деда. Должна быть причина, толчок. Ведь он сидел не за убийство, на воле уже четыре года... Ладно, все, пятиминутка закончилась. Макс только что узнал, где прописан Клесов. Едем к нему.

5

Витька резким движением закинул удочку, и лодка сильно качнулась. Дядя Миша сердито проворчал:

– Без резких движений. Рыбу распугаешь.

– Извини, дядь Миша, хотел подальше забросить, – сиплым голосом ответил Витька.

Вчера после косьбы напился ледяной воды, и горло побаливало. Мало того, он стал сипеть, словно старый дед. А у него сегодня свидание. Тамарка и так девка с капризами, а теперь и вовсе на смех поднимет. Блин, до свидания еще целый день, а уже настроение испорчено. Не зря бабка его предостерегала – от Тамарки держись подальше. Она не одному парню голову вскружила, да, похоже, ей нравится просто насмехаться над своими, деревенскими. Сама-то ждет городского, внука бабки Любы – Владика. Прошлым летом крутила с ним шуры-муры... Но Владик что-то к бабке не спешит, вот Тамарка со скуки и закрутила с Витькой.

– А ты не напрягайся так. Сколько я тебя учил? – сосед был мужиком строгим и деловитым. – У тебя в шпудле леса на сколько ниже края?

– Да навскидку на один миллиметр.

– А нужно не менее двух.

Он ловко насадил на крючок червя и легким движением закинул свою удочку. Леса блеснула на солнце, упала в воду и натянулась. Поплавок заколыхался на воде. Оба затихли, уставившись каждый на свой поплавок.

Витьке нынче не везло. Он вытащил удочку и взглянул на червя. Ну ясно, опять попался какой-то неживой, это разве приманка?

Дядя Миша сидел спиной к Витьке, но как будто все видел. Вот что значит опытный рыбак.

– С наживкой проблема?

– Ага... – неохотно ответил Витька.

– Чтобы червяк дольше трепыхался, протыкай его только два-три раза поперек, пускай свисают оба конца подлиннее. А ты, небось, опять проткнул сто раз, душегуб.

Витька промолчал. Конечно, он не два и не три раза проткнул червя, насаживая на крючок. Ему все казалось, что червяк улизнет. Витька выбросил бракованного червяка и старательно насадил другого. В рыбалке он был еще новичком, потому и прибил к дяде Мише. Все-таки рыба к столу, когда бывали удачные дни, радовала и мать, и младших сестер. А то на одних кашах да картохе сплошная тоска. Интересно, что сейчас делает Тамарка? Он смотрел на поплавок, который едва заметно колыхался на воде. Глаза сами собой стали закрываться, он задремал. Вдруг лодка качнулась, Витька встрепенулся. Из-за спины раздался голос дяди Миши, почему-то настороженный.

– Что-то плывет... Вроде не бревно.

Витька повернулся и привстал.

– А ну глянь, у тебя глаза помоложе... – скомандовал сосед.

Дядя Миша тоже встал. Витька присмотрелся и ойкнул.

– Женщина! Труп!

Медленное течение несло полуобнаженное женское тело прямо к лодке. Витька забыл о своей удочке и ухватился за оба весла.

– Дядь Миш, я – к берегу... – дрожащим голосом произнес он, разворачивая лодку.

Дядя Миша положил на его руки свои шершавые мозолистые ладони.

– Погодь, Витька, ее же течением отнесет незнамо куда. А ментам потом ищи...

– А что ты хочешь, дядь Миш, в лодку ее втащить? – ужаснулся Витька.

Его затошнило.

– Вот еще! На хрена? Ее сейчас к борту принесет, я сетку на нее наброшу, зафиксирую. Доставим к берегу. Ментов вызовем.

Витька со страхом смотрел, как тело женщины, качаясь на волнах, медленно подплывало к лодке. Ее длинные темные волосы, как водоросли, разметались вокруг головы. Вдоль голей спины тянулась глубокая рана. Края распоротой кожи побелели от воды. Витька перегнулся через борт, и его стошнило. Он не видел, как дядя Миша зацепил за уключину край сети, опустил его на тело и подтянул к лодке. И уже тогда вытащил сначала свою, а потом Витькину удочку. Деловито смотал лесу, приговаривая:

– Ведь тоже денег стоит...

Потом согнал Витьку с места и велел пересесть на корму. Сам сел на весла и медленно погреб к берегу.

– Ты бы смотрел на утопленницу, чтоб не ускользнула. А то потом лови ее по всей реке... – сурово приказал Витьке.

Тот испуганно повернулся к левому борту и старался не смотреть на страшную рану на спине. Волосы женщины плавно качались на воде, и когда дядя Миша стал разворачивать лодку левым бортом к берегу, чтобы тело не унесло в реку, в какой-то момент шея утопленницы оголилась и Витя увидел, что она вздулась багровым подтеком. Он в ужасе вскрикнул, выпрыгнул из лодки на берег и упал на колени. Его стало опять тошнить. Дядя Миша зло крикнул:

– Ошалел, что ли? Мертвецов не видел? Ну, утопла баба. Каждый сезон у нас по три-четыре утопленника вылавливают.

Витька немного пришел в себя и засипел:

– Там у нее на шее...

Сосед привязал лодку к стволу дерева и подошел к труп. Посмотрел внимательно и охнул:

– Мать твою... Задушили бабу!

Старший оперуполномоченный Бурый доел голубцы, отложил вилку и отломил корку черного хлеба. Жена Галина знала – сейчас начнет вымазывать коркой остатки подливки. Наверняка накапает на клеенку. Хорошо, если не закапает штаны. А когда встанет из-за стола, впору кур запускать – крошки от хлеба склеивать. Всем хорош ее муж – и степенный, и ответственный, и должность у него неплохая, но одно плохо – страсть какой неаккуратный. Она вздохнула и пошла на кухню за тряпкой – вытирать стол. Алексей потянулся за стаканом с компотом. Выпил тремя большими глотками. Крякнул, поставил стакан на стол и тут заметил на штанах жирное пятно.

– Галь, я тут капнул ненароком, – виновато проговорил.

– Кто ж сомневался? – проворчала Галя и мокрой тряпкой протерла его штаны.

– Ты чего? – возмутился он. – Мне ж сейчас на службу.

– Пока дойдешь, высохнет.

Она этой же тряпкой принялась вытирать со стола.

Во дворе залаял Марсик.

– Кто там еще? – взглянул на часы Алексей. – Обеденный перерыв еще не закончился.

На крыльце кто-то загрохотал сапогами, стряхивая дорожную пыль.

– Твои пришли, – сразу поняла Галя.

И точно, ввалились Степан Боровков и Сергей Вахромеев.

– Алексей Петрович, рыбаки на реке утопленницу вытащили.

– А подождать нельзя было? – ворчливо произнес Алексей, поднимаясь из-за стола. На его форменных брюках расплзлось мокрое пятно на самом интересном месте. Смешливый Сергей углядел и хмыкнул. Но Бурому было до феньки, что думают о нем подчиненные.

– Да мы и так подождали. Только пацан каждую минуту туда-сюда бегают, велит скорее ее забрать. А то его старик жучит. Говорит, им рыбу нужно чистить.

– Они что, стерегут труп? Молодцы. Не то, что вы, бездельники.

– А мы вовсе не бездельники. Мы с бытовухой разбирались. Аксинья опять своего Гришку ухватом приложила. Кровищи! Акт составляли, врача вызывали. На этот раз она перестаралась. Хотя я бы его и вовсе убил, – разговорился Сергей. – До чего мужик вредный! Все показатели нам портит.

– Кстати, о врачах, – напомнил Бурый. – А медэксперта вызвали на место происшествия?

– А то как же! Минут через тридцать подъедет. Его Васька на «скорой» подкинёт. Заодно и утопленницу заберет.

Бурый слушал отчет и неспешно расчесывал свои жиденькие волосы у зеркала. Наконец надел фуражку, и всей толпой вышли на улицу. Галина пошла с ними до калитки. Ей было интересно дослушать историю про соседей. Она подождала, когда отъедет «УАЗик», и только тогда закрыла калитку.

На берегу реки на носу лодки сидел старик Дюжев и курил сигарету, стряхивая пепел в воду. Витька уселся на траву поодаль спиной к трупу. Увидев опергруппу, он вскочил и собрался было уходить, но Бурый его остановил.

– Не беги, сейчас свидетельские показания будем составлять.

– А нельзя, чтобы дядя Миша рассказал? – несмело возразил парнишка.

– Вы же вдвоем были, каждый за себя и отвечает. Что один не заметил, второй мог углядеть.

Дюжев с тоской посмотрел на рыбу, которая трепыхалась в ведерке, перевел взгляд на тело женщины. Сеть с нее он уже снял и даже постирал в речке, теперь она сохла, растянутая на кустах.

Бурый усадил Сергея в лодку и велел записывать. Дюжев наперебой с Витькой описали происшествие. Как увидели труп, как его подогнало к борту лодки. Дюжев не преминул прихвастнуть, как его осенило накинуть на бабу сеть, чтобы ее не унесло.

– А если бы унесло, то она могла бы оказаться на чужой территории, – в пространство проговорил Бурый. И Дюжев понял: здесь его находчивость не оценят. Действительно, ну и унесло бы. И тогда он не сидел бы здесь битый час на жаре, а уже чистил бы рыбу себе на ужин. И Витька бы не маялся от пережитого страха. Такое увидеть парнишке... Теперь спать не будет.

– Подпишите протокол. – Сергей протянул лист бумаги, который для удобства прикрепит к папочке бельевой прищепкой. Дюжев и Витька подписали и с облегчением вздохнули. Витька подхватил свои снасти и ведро с рыбкой и рванул, только пятки засверкали. А Дюжев пока снял сеть, пока свернул ее, ворча, что теперь, потяжелевшую от воды, придется тащить в гору. Не оставлять же на берегу – сопрут, не приведи Господь. Народ здесь воровской, один Гришка чего стоит...

– Михал Иванович, ты нам ключи от замка оставь, – попросил его Бурый. – Мы твоей лодкой воспользуемся. Поплаваем здесь по-над краем, может, еще чего найдем. Здесь ведь даже не вся ее одежда. Мало ли, вдруг что с карманами найдем, а там документы. Или сумочку...

– Ключи тогда пускай Сережа принесет, – попросил дядя Миша.

Дюжев копошился со своим хозяйством и краем глаза наблюдал за действиями следов. Они обошли тело, Сергей присел на корточки рядом с утопленницей и записывал со слов Бурого, что обнаружено на теле, в каком она лежит положении и прочую хрень. Послышался звук подъезжающей машины. На пригорок выехала «скорая» и из нее вышли двое –

судмедэксперт Деньковский и водитель Васька. Дядя Миша поприветствовал вновь прибывших и поскорее отправился домой. Того, что он нынче увидел, ему надолго хватит. А то этот доктор начнет сейчас рассматривать тело бабы, а это уже было выше сил Дюжева. У него и так перед глазами стояла жуткая картина ее рваной раны на спине да багровой опухоли на горле. А глаза? Открытые, с застывшими зрачками... Его передернуло от отвращения. Он поднялся на пригорок и, не оглядываясь, пошел прямо через луг домой.

– Ну что я вам скажу? – только взглянув на тело, сказал медэксперт. – Ваша утопленница померла не от утопления. Нет характерных признаков – стойкой мелкопузырчатой пены у отверстий носа и рта.

Он натянул на руки резиновые перчатки и откинул ее волосы с лица и шеи.

– Ни хрена себе... – непроизвольно вырвалось у Сергея, когда он увидел багровый подтек на шее женщины.

– При трупе прошу не выражаться, – отчитал молодого опера эксперт Семен Владимирович. – А вот и причина смерти – убийца ее задушил. Притом использовал нечто очень тонкого сечения, странгуляционная борозда глубокая. Скорее всего петля была металлическая. Короче, я ее забираю в морг. Отчет уже написали?

– Написали и торжественно вручаем. Тогда мы сейчас тело погрузим в «скорую», и ехайте в морг. А мы тут порыщем, – Бурый махнул рукой операм, приглашая их сесть в лодку.

Когда машина отъезжала, Семен Владимирович увидел в окошко, что Сергей уже размотал железную цепь и забросил ее на корму. С силой оттолкнулся ногой от берега и запрыгнул в лодку, опасно раскачав ее. Что-то недовольно прикрикнул Бурый, Сергей засмеялся. Вот они молодые – им все хихоньки да хаханьки, невзирая на ответственную профессию, – усмехнулся в усы Семен.

Машина подпрыгивала на ухабах, и тело в целлофановом мешке тоже подпрыгивало. Васька что-то мурлыкал, небрежно придерживая руль одной рукой. Вторую он высунул в окно, и рукав его рубашки полоскался на ветру.

6

Турецкий набрал номер квартиры Клесова на домофоне. Но никто не откликнулся, хотя он ждал довольно долго.

– То ли его нет дома, то ли не хочет открывать.

Голованов стоял рядом, прислушиваясь к частым гудкам домофона.

– Давай пока соседям позвоним.

Пришлось набирать несколько номеров квартир, пока им не открыли дверь. Время рабочее, люди на работе. Поднялись на второй этаж, где проживал Клесов. Турецкий приложил ухо к двери и какое-то время прислушивался.

– Думаю, его нет дома, – сообщил он Голованову.

– Тогда звоним соседям.

Голованов нажал кнопку звонка на соседней двери. Из глубины квартиры послышались шаги. Кто-то остановился по ту сторону двери, но подавать голос не спешил. Голованов опять позвонил. Простуженный женский голос за дверью предупредил, что чужим не откроет, и если они не перестанут трезвонить, то она вызовет милицию.

– А мы и есть милиция, – сообщил Турецкий. – Мы к вашему соседу Клесову. Только он не открывает.

Женщина хрипло закашлялась.

– Вы там в порядке? – спросил обеспокоенный Турецкий.

– В порядке, – прогундосила женщина. – Так зачем вам Митька?

– Хотим познакомиться, узнать, что поделявает, не досаждают ли соседям.

– Да уже три дня как не досаждают.

Дверь наконец открылась. На пороге стояла взлохмаченная молодая женщина в теплом спортивном костюме. Шею она обмотала толстым шерстяным шарфом и зябко куталась в голубой плед.

– Ладно, заходите, – пригласила она сыщиков в дом. – А то в подъезде дует.

– Вы у нас даже документы не спросили, – напомнил Турецкий, переступая порог.

– А я вас в глазок изучила. Вижу – нормальные с виду люди, на компанию Митьки не похожи.

– А вдруг мы по его душу пришли из другой компании? – пошутил Голованов.

– Да и берите, – равнодушно пожала плечами женщина. – Никто по нему не заплачет.

Она показала рукой на диван.

– Садитесь. Кстати, меня зовут Светланой.

Она села с ногами в кресло и закуталась в плед.

Сыщики представились.

– Может, вам врача вызвать? – посочувствовал ее больному виду Турецкий.

– Да только что ушел. Я уже аспирин выпила, дальше буду лечиться народными средствами. Так что же сосед натворил?

– Да много чего. И пока не натворил еще больше, хотелось бы его изолировать от общества.

– Арестовать, что ли? Только он уехал.

– Расскажите, что вы видели. Нам сейчас очень важно знать про каждый его шаг.

– Ну, в этом я вам вряд ли помогу, поскольку целыми днями сижу за компьютером и оторвать меня довольно трудно. Готовлю годовой отчет. Видите, даже больная не могу лечь и поболеть, как все нормальные больные люди.

– Но вы все же знаете, что Клесов уехал, – напомнил ей Голованов.

– Три дня назад поздно вечером я слышала, как он ковырялся в замке, никак не мог открыть дверь. Пьяный был вусмерть. Я как раз в прихожей была. В туалет шла. Извините за такую подробность. Потом смотрю в глазок – со своим замком он все-таки справился.

– Один был?

– Один. Но на этом его приключения не закончились. Его же квартира сразу за моей стеной, так что если он шумит, все громкие звуки доносятся. Слышала – что-то ронял, мебель двигал, ругался сам с собой.

– А слова слышали?

Светлана задумалась.

– Что-то про стариков... Дескать, сами виноваты. Потом звонил по телефону. То ли тому, с кем говорил, плохо слышно было, то ли спьяну орал, но я все слышала отчетливо. Кричал, что приедет завтра вечером. Притом несколько раз повторил. Молчит, потом как заорет: «Завтра вечером». И опять молчит. У меня сложилось впечатление, что его отговаривали. Потому что он уж так злобно кричал. Естественно, какой тут сон? Я даже не пыталась уснуть. А потом у него как загрохочет. Металлическое что-то. Как будто он свалился откуда-то. С лестницы упал, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.